

ДРУГИЕ  
МИРЫ

18+

Алина Лис

ИЗНАНКА СУДЬБЫ



Другие Миры (АСТ)

Алина Лис

# **Изнанка судьбы**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Лис А.**

Изнанка судьбы / А. Лис — «АСТ», 2018 — (Другие Миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-109859-9

Элисон Майтлтон умеет перемещаться между реальностями и видит вещие сны. Она – шкатулка с секретом, за которой охотится зловещий маг. Враг ее влиятелен и не остановится ни перед чем, чтобы заполучить свою жертву. Единственный защитник Элисон – загадочный воин-фэйри, отрекшийся от своего князя ради любви к человеческой девушке. Но что скрывают его забота и его молчание? И человек ли Элисон на самом деле?...

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109859-9

© Лис А., 2018  
© АСТ, 2018

## Содержание

|                                     |    |
|-------------------------------------|----|
| Часть первая. Сделка                | 6  |
| Глава 1. Сомнительное предложение   | 6  |
| Глава 2. Предвестие беды            | 13 |
| Глава 3. Услуга за услугу           | 21 |
| Глава 4. В стране вечного лета      | 30 |
| Глава 5. Испытание                  | 39 |
| Глава 6. Суд                        | 51 |
| Глава 7. Рэндольф                   | 60 |
| Глава 8. Он нам поможет             | 67 |
| Глава 9. Люди, фэйри и прочие твари | 73 |
| Конец ознакомительного фрагмента.   | 74 |

# **Алина Лис**

## **Изнанка судьбы**

© А. Лис, 2018

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

## Часть первая. Сделка

### Глава 1. Сомнительное предложение

#### *Элисон*

Блудсворд приехал после обеда.

Я следила, спрятавшись за гардиной, как его сиятельство спрыгивает с лошади, передает поводья конюху и движется быстрым шагом по садовой дорожке к главному входу. На душе было тяжело от скверных предчувствий. В этот момент граф вскинул голову, посмотрел на окно, и я отшатнулась. Показалось, что он разглядел меня за моим ненадежным укрытием. Словно дыры взглядом в занавеси прожег.

Он заперся в комнате с маменькой и долго о чем-то совещался, а я ходила кругами, изнывая от невозможности подслушать.

Когда чуть позже дверь открылась и меня позвали в гостиную, я даже не удивилась, потому что ждала чего-то подобного.

Не удивилась, но испугалась.

Я боялась его всегда, с первой встречи. Несмотря на то что граф ни разу не пытался как-то навредить мне. Только иногда делал двусмысленные комплименты и смотрел.

Так смотрел, что после этого липкого предвкушающего взгляда хотелось помыться.

Сэр Блудсворд всегда был моим кошмаром – личным чудовищем. Он словно отбрасывал уродливую горбатую тень на всю мою жизнь.

Я входила в гостиную с опаской.

– Элисон, дорогая! Боги услышали наши молитвы, мы спасены, – затараторила матушка, стоило мне появиться на пороге. – Его сиятельство обещал все уладить с вашим дядей. Ах, я буду так рада, если это недоразумение больше не будет омрачать нашу жизнь и семья снова воссоединится!

– С чего бы такая щедрость? – у меня не получилось быть любезной. Не верю в бесплатный сыр. Особенно от Блудсворда.

Они словно и не услышали моего вопроса.

– Но самое большое счастье: нам удалось устроить твою судьбу, девочка моя! Поздравляю, сэр Блудсворд попросил твоей руки, и я сказала, что не возражаю.

И тут я просто жутко перепугалась. Обмерла на месте – ни слов, ни мыслей, один глухой глубинный ужас.

– Ты будешь графиней, дорогая!

Все, на что меня хватило, это пискнуть:

– Не буду!

– Ах, конечно будешь. Кто же знал, что ты такая кокетка. Я даже не подозревала, что ты и сэр Блудсворд... – она игриво потрепала меня за щеку. – Ладно, ладно, оставляю вас наедине, влюбленные голубочки.

Когда она ушла, мне стало так страшно, что я даже осмелела. Я так умею, да.

– Объяснитесь, ваше сиятельство!

Граф ухмыльнулся и заговорил. Настолько тихо, что пришлось подойти ближе.

– Приличные девицы при таком известии падают в обморок от счастья, а не допрашивают будущего супруга с видом прокурора. Где ваши манеры, моя дурно воспитанная Элисон?

Сделайте хотя бы вид, что рады этому известию. Подумайте, что я спасаю вашу семью, а вас саму избавляю от участи старой девы.

– Спасаете?! Каким образом?

– Грегори мне должен. Если вы станете моей женой, я замолвлю словечко за ваших родных перед ним. Конечно, никто не оставит им особняк и графство, но небольшая пожизненная рента поможет сделать их судьбу чуть менее печальной.

Я сделала еще полшага вперед и почувствовала запах свежей крови. Сегодня он был так силен, что даже во рту появился железистый привкус.

От графа и раньше часто пахло кровью, но этого никто, кроме меня, словно не замечал. Когда я попыталась рассказать родным, Китти с Фанни подняли меня на смех, маменька сказала, что я вгоню ее в гроб, а папенька буркнул: «Чокнутая, точно!»

– Это ведь все неправда?

Он благодушно улыбнулся:

– Вы так враждебно настроены, моя подозрительная Элисон. Всегда и во всем ищите подвох. Почему бы вам просто не поблагодарить меня? Или, – тут он хищно улыбнулся, – поцеловать?

К горлу подкатила тошнота. Поцеловать Блудсворда? Я, наверное, жабу с большим удовольствием согласилась бы поцеловать.

Нет, вовсе не потому, что его сиятельство горбат. Горб у него маленький, почти незаметный. И роста граф нормального, не карлик. Лицо асимметричное: крупный нос и подбородок, резкие скулы, тяжелые почти сросшиеся на переносице брови. Необычная внешность, но мужественная, совсем не урод. Хорошего рода, не беден, умеет держаться в обществе.

Отдельные дурочки даже считают графа красивым. Я же под прицелом его изучающих темных глаз всегда чувствовала себя кроликом во власти удава.

– Зачем вам жениться на мне?

– С самой первой минуты, как я увидел вас, ваши красота и чистота так запали мне в душу, что я понял: вы – та единственная, что предназначена мне судьбой. Я люблю вас и готов свернуть горы, чтобы назвать своей женой. Восхитительная мисс Майтлтон, окажите мне честь, сделайте меня счастливейшим из смертных, скажите «да».

Эту речь граф произнес нараспев, как хорошо заученный театральный монолог. Потом издал гадкий смешок и спросил:

– Ну как? Убедительно?

– Нет.

– Ну и ладно, – теперь он надвигался, а я пятилась. – Тебе, может, неубедительно, а другим пойдет. Общество будет рукоплескать и крутить пальцем у виска: взять перестарка, бесприданницу, сомнительного происхождения, с припадками, да еще и чокнутую. Такое может сделать только влюбленный идиот.

Я спиной наткнулась на стену, а он навис рядом. От запаха к горлу подкатила тошнота. Почему, ну почему никто больше не чувствует этого рядом с Блудсвордом?

– Я откажусь! Скажу «нет» в храме.

Он картинно развел руками:

– Откажетесь? Правда откажетесь, гордая Элисон?! И позволите Грегори вышвырнуть вас на улицу? И чем же вы будете жить, учитывая, что ни вы, ни ваши сестры не приучены ни к какой работе? Да и Ванесса... кому нужна престарелая певичка? Вас так прельщает славное будущее в виде содержанки или проститутки, маленькая развратница?

– Нет, – прошептала я.

Он был прав, просто я никогда не думала об этом. Мы же выросли в Гринберри Манор, он всегда был нашим домом, как Сэнтшим – землей отца. Все знали, что, когда папенька умрет, Саймон станет новым графом.

И вот теперь мой брат сбежал с ши, а дядя Грегори вот-вот отсудит у нас все. Он всегда нас ненавидел.

Блудсворд попытался провести рукой по моей щеке, но я отшатнулась, и граф укоризненно покачал головой:

– Элисон! Вы как испуганный зайчонок. Почему вы так меня боитесь? Разве я когда-нибудь обижал вас или давал повод думать обо мне плохо?

Я попробовала сглотнуть, но в горле совсем пересохло:

– Тогда... в малиннике. Патер Вимано...

Граф изумленно приподнял брови:

– Малинник? Патер Вимано... припоминаю, так звали священника, который заведовал приходом в Сэнтсшине лет пять назад. Но при чем здесь он? И малинник?

В его темных глазах заплясали насмешливые искорки, а я снова ощутила жуткую раздвоенность, когда непонятно, где настоящее, а где видения или бред. Была ли та встреча в малиннике правдой, или она только приснилась мне? Помню, как прислуга судачила о смерти патера Вимано, а в день похорон у меня был приступ, поэтому не запомнилось почти ничего.

Я не могу себе доверять до конца. Слишком часто забываю важное и помню то, чего никогда не было.

– Все просто, моя недоверчивая Элисон, – благодушно продолжал его сиятельство. – Мне давно пришлось обзавестись наследником, а вы хороши собой, милы и равны мне по происхождению. Кроме того, вы не вертихвостка и не проводите ежедневно по пять часов у модистки, как ваша младшая сестра. Короче говоря, вы мне подходите. Да, у вас нет состояния, но я достаточно богат, чтобы не нуждаться в дополнительных средствах. Зато вы и ваши родственники никогда не станете пытаться диктовать мне, что делать.

Я недоверчиво посмотрела на графа. Сейчас он казался почти милым, а его слова – пусть неромантичными, но разумными. Я и не надеялась выйти замуж по любви. Я вообще выйти замуж не надеялась.

Кто он? Мой детский страх, личное чудовище из липких кошмаров? Или обычный мужчина, которому просто не повезло родиться с горбом?

Он ведь наш сосед уже много лет, и никто, кроме меня, его не боится и не чувствует запаха крови.

Не сделаю ли я величайшую глупость в своей жизни, отказав ему?

Я уже открыла рот, чтобы сказать, что согласна, когда он оскалился и сразу стал похож на волка, который долго и успешно притворялся собакой.

– А если ты откажешься стать моей женой, я все равно найду способ, – его рука впиалась в плечо, оставляя синяки. – Ты будешь принадлежать мне.

– Больно!

– Разве это больно? Ты даже не представляешь, что такое настоящая боль. Тебя ведь никогда не били, Элисон?

В снисходительном тоне мне почудилось обещание. Даже живот заболел от страха, и я решилась.

– Я скажу маме, что вы грозились меня мучить!

Он засмеялся мне в лицо, словно этого и ждал:

– Давай! Беги к матери и расскажи, как твой жених обещал замучить тебя до смерти. Батлемская лечебница для умалишенных ждет! Знаешь, что там делают с пациентами?

Граф прикрыл глаза, и его голос изменился, зазвучал глухо, чуть надтреснуто:

– Их держат взаперти, как животных. В грязи, за решетками, вдалеке от солнечного света. В рубище. Они постоянно кричат, стонут и воют, – он содрогнулся, словно от воспоминания. – А уж какая там вонища...



Еще немного, и у меня бы точно начался припадок. Я прикрыла глаза, силясь побороть дурноту, как от морской болезни.

– Держат всех вместе – мужчин и женщин. Догадываешься, чем это заканчивается? Ублюдков, которые рождаются от подобных союзов, сразу забирают от матери на воспитание в дом призрения. И можно рожать следующего. Особо буйных заковывают в цепи или привязывают к кроватям ремнями. А если будешь слишком беспокойным пациентом, тебе пробьют голову зубилом, чтобы выпустить демонов. Вот здесь, – он ткнул узловатым пальцем мне в висок. – И после этого тебе уже будет все равно, где ты находишься сейчас и кем была когда-то.

Я не хотела слушать его рассказ, но не слушать его было невозможно. Слова повисли в воздухе – тяжелые, правдивые и оттого особенно жуткие.

– Вы там были? – спросила я, еле шевеля губами.

Ни одна сплетня о Блудсворде не упоминала Батлемскую лечебницу для умалишенных, но так рассказывать можно, только если сам прошел через ад и вернулся.

Граф помедлил и кивнул. Мне показалось, что в его темных глазах мелькнул страх.

И я вдруг поняла, что сочувствую его сиятельству.

Батлем. Незримый меч над моей головой, причина, по которой я, как умею, скрываю свои странности.

Дверь за спиной Блудсворда раскрылась:

– О, я вижу, вы поладили. Ах, девочка моя, как я тебе завидую! Любовь – такое прекрасное, светлое чувство. Помнится, мы с твоим отцом...

Блудсворд моргнул. Оскаленный монстр исчез, уступив место вполне привлекательному мужчине.

– Миледи, я рад сообщить, что мисс Майтлтон сделала меня счастливейшим из смертных, сказав «да». Осталось назначить день свадьбы.

– Мама, он лжет! Я не выйду за него!

Маменька посмотрела с укором, как всегда, когда я ляпаю что-то, по ее мнению, неуместное.

– Дорогая, не говори глупостей. Твои шутки совсем не смешны. Сэр Блудсворд, надеюсь, вы не станете воспринимать всерьез это девичье кокетство.

– О нет, миледи. Я все понимаю...

«Но это правда», – шепнула я одними губами.

Бесполезно. Мать всегда слышит только то, что хочет слышать.

\* \* \*

Все наши беды начались с маскарада, на который я не поехала.

Я уже давно стараюсь избегать балов и приемов. Мне на них неловко, все время кажется, что обо мне перешептываются, говорят «чокнутая» и пальцем показывают.

На балах я особенно остро чувствую себя чужой и ненужной. В прошлый раз за весь вечер у меня было только три танца, а ведь я хорошо танцую! Лучше сестер, даже лучше большинства невест в Сэнтшине! Но меня редко приглашают. Обычно я сижу в кресле, смотрю, как кружат другие пары. Я стараюсь не завидовать. Любуюсь, какие они красивые, а к горлу так и подкатывают непрошеные слезы.

Старая дева – девятнадцать лет. В обычной жизни я научилась не жалеть себя и не думать об этом, но знаю, что на балу не получится.

Фанни тоже осталась дома. Маменька по этому поводу очень расстроилась. Фанни пятнадцать – самый лучший возраст, чтобы искать выгодную партию.

– Ах, дорогая, но срок траура уже почти миновал. И нам всем просто необходимо развешаться.

– Неприлично веселиться, когда после смерти отца прошло всего восемь месяцев.

Иногда я завидую набожности и строгости Фанни. Она всегда знает, как правильно. И такая серьезная. Ее даже маменька побаивается.

– Хочешь остаться старой девой? Прямо как Элисон? – фыркнула Китти.

Мне стало до слез обидно. Хотела сказать ей в ответ какую-нибудь гадость, даже воздуха набрала, но так и не нашла, как уколоть.

Зря говорят, что на правду не обижаются. Правда как раз обиднее всего, от нее не отмахнуться.

– Дорогая, ну что ты говоришь. Твоя сестра еще найдет себе прекрасную партию. – По маменькиному лицу было видно, что она ни на полпенса не верит в свои слова.

Никто не верит. Даже я.

– Не найдет, если будет дома сидеть.

Я пробормотала что-то про траур и сбежала.

Маскарад длился до утра. Маменька и Китти думали, что Саймон уехал раньше. Только когда они вернулись домой, выяснилось, что брат сбежал.

Маменька при этом известии стала такой мертвенно-бледной, что я поверила: ей и правда нехорошо.

Никто не знал имени и не помнил внешности женщины, которая увела Саймона. Все, что мы сумели разузнать, расспрашивая гостей, это что на маскараде незнакомка была в зеленом парике и черной полумаске.

– Ах, как это романтично! – закатила глаза Китти.

– Но он должен был нас предупредить, – нахмурилась Фанни.

– Это ужасно! Где мои сердечные капли? – простонала маменька.

Я ничего не сказала. Меня никто не спрашивал.

Не сказала, но подумала: какой он смелый. Все-таки сделал все по-своему, молодец. И еще хорошо помню, как любопытно было познакомиться с избранницей брата.

А чуть позже мы все уже молились, чтобы речь шла всего лишь о поспешном тайном браке. Потому что кучер кареты, в которую села влюбленная парочка, поклялся: мол, остановился по приказу зеленоволосой красотишки у кромки леса. На его глазах женщина взяла Саймона за руку и увела за собой в холм.

– Бывает, – философски заметил он, набивая трубку дешевой курительной смесью. – Фэйри балуются. Давнехонько о них не было вестей.

Я слушала, затаив дыхание. Верить? Не верить? Настоящие фэйри, совсем как в сказке?!

Маменька молчала и весь рассказ слушала с каменным лицом, а когда кучер вышел, упала в обморок.

– Я не верю, что Саймон мог так поступить, – заявила она после того, как Фанни поохала над ней должное количество раз, а я поднесла нюхательную соль.

Мой безответственный брат сбежал за неделю до слушания дела о наследстве. И наше и без того непрочное положение стало совсем плачевным.

\* \* \*

Нет, мы не сдались так просто, конечно нет! Маменька наняла мага, который, по слухам, накоротке с повелителем фэйри. Седой приземистый колдун оглаживал бороду и смешно пучил глаза. Но делу не помог.

– Фэйри Гэльских холмов здесь ни при чем, – сказал он, разводя руками. – Ни в одном из кланов не слышали о вашем сыне, леди Майтлтон. Должно быть, свидетель соврал.

Я знала от Терри, что старый кучер не соврал, просто перепутал фэйри и ши. Терри объяснил, что это два разных народа. Через холмы лежит путь в страну вечного лета, где обитает племя ши. А родственные им фэйри живут рядом с людьми.

Когда я пыталась рассказать об этом родным, маменька только вздохнула:

– Ах, дорогая, как тебе не стыдно? Держи себя в руках, нам и без твоих фантазий нелегко. Я так разозлилась, что даже ногой топнула. Ну почему они меня никогда не слушают?!

– Это не фантазия!

Теперь уже и Фанни посмотрела на меня с укоризной:

– Тогда откуда ты это знаешь?

– От Терри.

Лицо у маменьки стало несчастным. А я, как всегда, когда речь заходит о Терри, почувствовала себя виноватой.

Обещала ведь ему не говорить про него с родными. И маменьке клялась, что «выкину эти глупости из головы». Всего месяц прошел с последнего раза.

– А, твой придуманный друг...

Фанни была еще суровее:

– У нас нет на это времени, Элисон.

И я струсила. Не стала дальше ничего доказывать.

Все равно бесполезно.

Очень страшно было ждать судебного разбирательства. Спускаться каждое утро в надежде на хорошие вести, чтобы потом весь день изнывать от тревоги и невозможности сделать хоть что-то. Неуверенность в завтрашнем дне, которую мы все ощущали после смерти отца, теперь проявилась, нависла в воздухе, как тяжелые тучи. Смолкла и без того редкая музыка, даже Китти больше не смеялась, а в один из дней я вдруг поняла, что стараюсь разговаривать шепотом.

Маменька ходила бледная, пила сердечные капли и поминутно падала в обморок. Когда не хватало внимания, начинала рыдать и донимала всех жалобами.

День слушанья приближался неотвратимо. Поверенный хлопотал о его переносе – не вышло. Дядя Грегори – злой гений нашей семьи – употребил все свое влияние, чтобы не допустить проволочек.

Но на самом разбирательстве мы ему показали. Нет, не победили – если бы это было так просто! Выпросили у судьи отсрочку. На месяц.

– Все равно Гринберри Манор будет принадлежать Майтлтонам, а не вашим бастардам, Ванесса, – сказал дядя, гадко улыбаясь.

Маменька, обладавшая безупречным чувством того, когда можно закатить истерику, а когда лучше повременить, лишь побледнела и произнесла трагическим шепотом:

– Боги накажут вас за ваши злодеяния.

– Видно, что вы скучаете по сцене, – снова ухмыльнулся лорд Грегори.

Не знаю, очередная это ложь или правда, что моя мать была актрисой, пока отец не женился на ней. И знать не хочу! Хватает того, что дядя везде распускает эти сплетни.

Я так рассердилась на его поведение, что вмешалась. Ну сколько можно терпеть его двусмысленные намеки?

Речь получилась убедительная и правильная:

– Оставьте мою мать в покое, не позорьтесь. Намерение выгнать вдову брата с детьми не делает вам чести, так хоть не опускайтесь до оскорблений беззащитной женщины.

– О, юный кукушонок Элисон, – он перевел на меня взгляд, и я раскаялась, что влезла. – Свиный плод страсти нежной. Вас уже выпустили из Батлема?

Все, кто находились рядом, оглянулись на меня. И я поняла, что снова пойдет волна слухов о моем душевном нездоровье.

Сколько раз клялась самой себе не заговаривать с этим подлым человеком! Кажется, ему только того и надо, чтобы я возмутилась, начала возражать. Если молчать, получается, что я согласна с гадостями, которые он говорит. А в споре дядя всегда выставляет меня скверно воспитанной или не совсем нормальной.

Мы уехали домой в похоронном настроении. И все последующие дни предчувствие беды витало в воздухе. Маменька то принималась плакать и жаловаться, то хорохорилась и говорила, что боги не оставят этого просто так, правда непременно восторжествует. Китти, как всегда, хихикала, примеряла наряды и делала вид, что ничего не происходит. Фанни усердно молилась, а я просто ждала беды.

Дождалась.

## Глава 2. Предвестие беды

### Франческа

*...В стылых мартовских сумерках тлеют свечи. Дрожат на ветру, но не гаснут, как заговоренные. Запах оплавленного воска висит над долиной, мешаясь с запахами мокрого камня, прелой листвы, сожженных трав и дыма от факелов.*

Короткий, отчаянный крик: «Не надо! Я буду хорошей! Не трогайте Терри!»

Кровь на моих руках. Кинжал, застрявший в теле мага. Пробирающийся до последней жилочки, тихий, жуткий шорох. *Смерть проносится мимо, не задев, лишь опалив леденящим дыханием щеку.*

Снова крик: «Терри-и-и!»

И небо – сиреневое вечернее небо – падает в долину...

За секунду до того, как стоящего рядом человека разорвет на части, за мгновение до того, как второго, чуть дальше, вплавит раскаленной волной в темный камень, а происходящее превратится в нечеловеческий кошмар, я вспоминаю, что это все – сон, морок. Открываю глаза, сдерживая рвущийся на волю крик.

Снова тот же кошмар. Прошел почти год с тех пор, как сон возвращал меня в долину Роузхиллс.

За окном сумерки Изнанки. Не вечерние, рассветные. Чуть покачивается полог кровати, за витражным окном сереет небо.

– Чш-ш-ш. Что случилось? – Горячие объятия заставляют чуть отступить навалившуюся жуть. Воспоминание не уходит навсегда, просто прячется в тень, как прячется в кустах хищник, поджидая добычу.

– Ничего.

Губы касаются моего виска, спускаются чуть ниже к мокрой щеке:

– Ты плакала?

– Кошмар приснился. Я тебя разбудила? Прости.

Хмыкает:

– Я только лег.

– Опять до утра сидел за гримуарами? – говорю я с притворной строгостью.

– Угу.

– А потом дрыхнуть до обеда будешь?

– Угу. – Он обнимает меня чуть крепче и недовольно замечает: – А ты опять в сорочке.

– Конечно. Что мне, голой ложиться?

Он вкрадчиво шепчет мне на ухо: «Было бы неплохо!», и я чувствую, как горячая ладонь скользит вверх по ноге, задирая тонкую ткань.

– Ты же спать хотел.

– Угу.

– Ну хватит.

Пальцы уже поглаживают подколенную ямку – легонько, нежно. От прикосновений по коже бегут мурашки.

– Неужели хватит? Мы же только начали, – и рука движется дальше, вверх по бедру, чуть стискивает ягодицу, пытается проникнуть меж ног...

Тело отзывается на ласки, но память о кошмаре слишком свежа. Душой я еще там, под холодными небесами долины Роузхиллс. Они не располагают к любовным утехам.

Я отпихиваю его и отворачиваюсь.

– Давай спать.

– Спать – отличная идея, – соглашается Элвин, прижимая меня к себе и медленно целуя в шею, пока пальцы все так же гладят кожу с внутренней стороны бедра. Чувствую возбуждающий холод металла на своей груди сквозь ткань сорочки.

Низ живота наливается пульсирующим теплом. Элвин слишком хорошо знает мое тело, чтобы я смогла долго сопротивляться.

– Перестань, – придыхание, с которым я говорю это, выдает меня с головой.

– Что перестать? – спрашивает он обманчиво-невинным тоном. – Перестать делать вот так? – ладонь ложится на живот, спускается ниже и чуть надавливает, заставляя меня ахнуть и выгнуться.

– Да-а-а, – выдыхаю я и откидываюсь назад, чтобы прижаться к нему плотнее. Сорочка скомкана и задрана до талии, обнаженными бедрами я ощущаю его возбуждение. Металлические пальцы пощипывают и сжимают твердые горошинки сосков, и я уже не пытаюсь сдерживать стонов. Сама чуть раздвигаю ноги, чтобы ему было удобнее, и ощущаю прикосновение к самой чувствительной точке моего тела.

Шепот на ухо:

– Перестать делать вот так? Да, сеньорита?

– Да-а-а!

– Неужели сеньорита действительно хочет, чтобы я прекратил?

– Не-е-ет, – всхлипываю я, чувствуя во всем теле вожающую слабость. Сейчас я сделаю что угодно, лишь бы он не останавливался.

– Тогда чего сеньорита хочет? Этого?

Я снова всхлипываю, ощущая его полную власть над собой. Жаркий выдох опаляет ухо, зубы чуть прикусывают мочку, а неумолимые безжалостные пальцы продолжают дразнящую ласку. Я раздвигаю ноги шире в безмолвной просьбе, и он гладит там, прикасается к чувствительному местечку. Слишком нежно, слишком легко, вынуждая меня стонать от желания и разочарования.

– Да-а-а, – я трюсь об него, выгибаюсь, прижимаюсь плотнее, ощущая на шее его учащенное дыхание.

Это его любимая игра. Заставить меня обезуметь от вожделения, забыть о приличиях. Чтобы я сама просила взять меня. Какой бы развратницей я ни стала за эти десять лет под его руководством, в такие мгновения на меня всегда находит странная немота. Чем сильнее желание, тем постыднее признаться в нем.

Но в этот раз он сдается первым.

– А, к грискам все! Хочу тебя.

Чувствую, как он входит в меня, и снова выгибаюсь, не в силах сдержать возбужденного стоны. Двигаюсь в едином ритме с ним, вскрикивая каждый раз, когда он вторгается глубоко и резко. Его пальцы снова начинают ласкать меня – в этот раз никакой нежности, он делает это яростно, почти грубо. И эта грубость, этот напор откликаются во мне восхитительным разрядом. Каждое его движение продлевает удовольствие, вызывая все новые и новые спазмы наслаждения.

Бешеные толчки, всплески блаженства и упоительное чувство беспомощности в мужских руках. Чувство принадлежности ему – целиком, без остатка. Он стискивает мои бедра, хриплый рык над ухом, боль обжигает шею чуть выше ошейника.

И несколько мгновений тишины, когда все закончилось, но мы еще одно целое.

Его руки – горячая, человеческая, с длинными пальцами музыканта, и вторая – странный механический уродец – обнимают меня. И от этой близости, от того, что мы вместе, находят такая теплота и сумасшедшая нежность, что хочется расплакаться.



– Фра-а-ан, – он произносит это едва слышно. Так, словно ему просто нравится звук моего имени. – Моя Фран.

– Твоя, – соглашаюсь я и откидываю голову, ищу губами его губы. – А ты меня за шею укусил! Вурдалак недоделанный.

– Прости, – в голосе не слышно раскаяния, только самодовольство. – Больно? – он проходит языком по следу от укуса и легонько дует на него.

– Не очень, – мне даже нравится, когда он оставляет свои метки, пусть потом их приходится маскировать шарфами и пудрой.

– Хорошо. Вот теперь – спать. Можешь даже сорочку оставить, стесняшка.

Под ехидное «очень вовремя» я стягиваю сорочку и поворачиваюсь, чтобы положить голову ему на плечо. И засыпаю без страха.

Когда он рядом, когда мы спим в обнимку, Роузхиллс и другие кошмары обходят мои сны стороной.

### *Элисон*

– Ты дурочка, счастья своего не понимаешь, – Китти надувала губки и разглядывала себя в зеркало. Судя по довольному выражению ее лица, то, что она в нем видела, ей очень нравилось. – Будешь графиней.

– Он гадок!

– Ну почему сразу «гадок»? На любителя. Говорят, его мать была из Эль-Нарабонна, поэтому такой темненький, – она хихикнула. – Еще брился бы почаще или отпустил бороду. И бровушки эти... Зато богатый. И нас наконец-то смогут посватать.

– Я не выйду за него, – устала повторять. Эти слова – как заклинание, которое не работает.

– Выйдешь, куда ты денешься.

В последние дни было ощущение, что я ступила в трясину и теперь бесполезно барахтаюсь. О свадьбе говорили как о решенном деле.

– Саймон еще мог бы все отменить, как глава семьи. Да где его искать? – вздохнула Фанни. – Элисон хорошо хоть при муже будет. А нам – побираться и жить милостью дяди.

– Саймон? Да он у маменьки из рук ест, а она сама не своя от радости, что избавилась от меня.

– Не говори так, Элисон. Мама желает тебе счастья. Мы все желаем. А Саймон терпеть не может сэра Оливера. Он бы ему снега зимой не отдал, не то что сестру.

– Какой он все-таки эгоист! – каждый раз, как я вспоминала о брате, становилось горько. – Неужели не мог хоть немного о нас подумать?

– Ты тоже эгоистка. Отказываешься выходить за Блудсворда, а он – наше спасение.

– Китти права. Семья важнее всего. Каждый делает что может. Ты старше, вот от тебя большего и ждут.

– Но как же... я ведь тоже человек? Тоже заслуживаю счастья? – Неуверенно это у меня как-то получилось. Словно я сомневалась в своих словах.

– Пф-ф-ф, хватит слез, – Китти приложила к щеке кружевной воротничок. – Ну разве я не красавица? – воскликнула с таким искренним кокетством, что нельзя было не улыбнуться в ответ. – На свадьбе Элисон все кавалеры будут мои!

– Элисон, не будь такой переборчивой. Мы думали, к тебе и эсквайр не посватается, а тут целый граф. Что тебе не нравится? – спросила Фанни.

– Подумаешь, горбун, – поддержала ее Китти. – А у тебя припадки. И воображаемые друзья. Не будь эгоисткой, Элисон. Подумай о семье!

Может, она права? И я действительно эгоистка?

Я попыталась подумать о семье. Но вместо этого снова вспомнила вязкую тьму в глазах его сиятельства и предвкушающую улыбку на смуглом лице.

\* \* \*

Первый раз я увидела графа Блудсворда в двенадцать лет, аккуратно в свой день рождения. Цвела сирень, ветер обрывал с яблонь белые лепестки, и жужжали мохнатые пчелы.

Он приехал вместе с дядей Грегори. Я сначала и внимания не обратила – мы с Китти и Фанни играли в крокет во дворе. Солнце так и палило, словно уже лето, все захотели лимонаду, я сказала, что сбегая – попрошу прислугу принести.

Побежала и наткнулась на дядю с его другом. Они как раз входили в дом. Хотела проскочить между ними, но дядя ухватил меня за плечо.

– Тпру, мисс Майтлтон. Куда вы так торопитесь? Разве вас не научили, что благовоспитанным девицам не следует носиться, как челяди?

– Будьте добрее, Грегори, – хорошо помню, как жутко стало, когда услышала этот медовый голос. День жаркий, а у меня мороз по коже. – Я ведь правильно понимаю, что это сама виновница торжества? В такой день следует быть с ней помягче, мой дорогой друг.

Я съежилась, попробовала выскользнуть. Не тут-то было. Дядя Грегори крепче сжал пальцы и укоризненно покачал головой.

– Где ваши манеры, леди? Поприветствуйте моего друга. Граф Оливер Блудсворд, член палаты лордов. Оливер, это моя племянница, Элисон Майтлтон.

– Доброго дня, сэр, – пискнула я. Сделала книксен и лишь тогда осмелилась посмотреть на него.

Отчего-то граф с первой минуты показался мне таким же страшным, как его родовое имя. Лицо у него было грубое, некрасивое – с большим носом, густыми почти сросшимися бровями и тяжелой челюстью, но смеяться над ним не хотелось. Над такими не смеются, их боятся.

Особенно мне запомнились глаза – две бездонные ямы, полные тьмы.

– Наслышан, наслышан. Вот вы какая, юная леди, – он говорил лениво, вроде бы небрежно, но так и ел меня глазами.

Я еще раз сделала книксен. И заверила, что мне очень приятно. Хотя приятно совсем не было.

Только когда он отвернулся, скинул с плеч плащ и отдал его дворецкому, я заметила, что друг дяди Грегори горбат.

\* \* \*

А потом граф Блудсворд сдружился с папенькой и стал частым гостем в Гринберри Манор. Всякий раз, видя меня, он пакостно улыбался и спрашивал, как у меня дела. И еще иногда дарил конфеты.

Я брала подарки – отказываться было неловко. Если отказаться, граф начнет расспрашивать, почему я не хочу конфетку и что случилось. И если при этом рядом окажется маменька или кто-то из взрослых, они непременно примутся стыдить меня за невоспитанность. А граф с благодатной гримасой будет рассуждать, что, мол, кто же поймет этих детей. Дети с их безмятежными радостями так бесконечно далеки от угрюмых озабоченных проблемами взрослых. Детство прекрасно, так будем снисходительны к капризам юной леди.

Так что конфеты я брала, но не ела никогда. Все казалось, что они пропитаны ядом или еще какой гадостью. Иногда я даже представляла, как граф разворачивает хрустящую золоче-

ную бумагу, в которую завернуты конфеты, медленно, со вкусом облизывает их, высунув толстый красный язык, а потом заворачивает обратно. Фу, противно.

Я их даже детям слуг не отдавала – никого так не ненавидела, чтобы подсовывать конфеты, которые облизал его сиятельство. Просто выкидывала или прятала.

А графа я боялась до мелкой дрожи. Он все время смотрел на меня, как на самую большую, самую вкусную в мире конфету. И улыбался, как облизывался. И разговаривал – вроде обо всем на свете, как обычный взрослый, но мне в снисходительном журчании его голоса чудилось: «Ты будешь моей, маленькая Элли, ур-р-р!»

Порой даже думалось, что Блудсворд сошелся с папенькой только затем, чтобы быть поближе ко мне.

Чтобы оправдать этот страх, я рассказывала самой себе истории о графе. В них он представлялся то людоедом, то и вовсе вурдалаком из нянюшкиных сказок.

Правда, света он, в отличие от тех же вурдалаков, совсем не боялся. Только щурил глаза на солнце, как кот.

А потом я воочию убедилась, как справедливы мои страхи.

\* \* \*

Это случилось в том же году, летом.

Малина вымахала густая, высокая. Ее заросли подступали к задней стене Гринберри Манор, и я, ускользнув от мисс Уайт через малую калитку, бродила по краю кустарника. Общипывала ягоды и отправляла их в рот – прямо так, невымытыми. Так вкуснее.

Крупная и душистая малина пахла вареньем, которое мама всегда распорядилась открывать на Мидст<sup>1</sup>. И еще летом и чем-то очень хорошим. А косточки застревали в зубах, как всегда.

Я почти вышла к главной дороге, когда наткнулась на Блудсворда.

– Какая встреча, о моя сладкая Элисон.

Сегодня от него снова разлило кровью. А рядом не было совсем никого из взрослых. Никто даже не знал, где я. Когда еще хватятся, когда станут искать в малиннике?

Мне стало очень страшно.

– Здравствуй, сэр. – Я попятилась, но он подошел ближе. И облизнулся.

– Что вы делаете здесь одна, бесстрашная Элисон? Разве матушка не предупреждала вас, что юным леди опасно прогуливаться по глухим местам в одиночестве? – продолжал он все так же шутиливо.

– Предупреждала. Я уже иду домой, – я хотела в доказательство своих слов удрать к калитке, но он поймал меня за руку.

– Я провожу вас, милая Элисон.

– Не надо! Я сама!

– Тс-с-с, скверная девчонка! Не надо спорить со старшими, – в игривом голосе прорезалась сталь.

А потом из-за наших спин раздалось глухое:

– Отпусти девочку.

Блудсворд повернулся, но моей руки не выпустил. Так что и мне пришлось повернуться вместе с ним.

– Ба, какая встреча, – граф все же отпустил мое запястье, чтобы шутиливо взмахнуть руками. Тут бы мне и убежать, но я осталась стоять. – Не ожидал встретить вас здесь... святой отец.

---

<sup>1</sup> Мидст (авт.) – праздник середины зимы, зимнего Излома.

Мне показалось, что последние слова он сказал так, словно издевался. Или не верил, что отец Вимано – священник.

– И чем вызван ваш интерес к этому милому ребенку... святой отец?

– Я ее духовник. С благословения ее матери.

Отец Вимано в этот раз не улыбался. Лицо у него было мрачное, даже злое. И стоял он, весь подобрavшись, и смотрел на графа, будто прикидывал, куда бить удобнее. В ту минуту патер показался мне очень сильным. Я знала, что священникам нельзя бить или калечить людей, но тогда подумала, что отец Вимано, если будет надобность, сможет и ударить, и искалечить.

И от этого стало спокойно.

Он едва мазнул по мне взглядом и велел:

– Иди отсюда, Элисон.

– Идти... – я растерялась. – А как же вы?

– Иди. Все будет хорошо. Твои родные, наверное, волнуются.

Он все правильно говорил, но я не хотела оставлять отца Вимано наедине с вурдалаком, который не боится солнечного света.

– Может, помощь позвать?

Блудсворд глумливо улыбнулся:

– Помощь?! Помилуйте, моя бедная Элисон! Не начался ли у вас один из тех странных приступов умопомрачения, которые, как я слышал, весьма обычны для вас? Какую помощь вы собрались звать? И для кого?

– Иди, Элисон, – повторил отец Вимано с таким видом, как будто знал, что делает.

Я и ушла.

Больше я его в живых не видела.

\* \* \*

– Терранс!

Молчание.

– Терри, выходи. Ну пожалуйста!

Тихий смешок. У стены появился полупрозрачный силуэт:

– Чего тебе, Элли?

– Терри, мне ужасно плохо. Мне надо кого-нибудь обнять и поплакать! Я так больше не могу!

– А я тут при чем?

– Гад! Гад ползучий, – я села на кровать и заплакала.

Призрак опустился рядом:

– Ты же знаешь, я не могу тебя обнять.

Я сердито отвернулась. Обняла подушку, уткнулась в нее, но все равно чувствовала, как Терранс смотрит ласково и насмешливо. Под его взглядом слезы сами высыхают, но я все равно продолжала выдавливать из себя всхлипы. Очень хотелось, чтобы он меня пожалел и утешил.

– По какому поводу плачем, Элли?

– А то ты не знаешь? Ты же всегда рядом.

– Все равно расскажи. Станет легче.

– Все не так. В моей жизни все не так, Терри. Моя мать – истеричка, единственный друг – призрак. Мой брат сбежал с ши накануне слушания дела о наследстве. У меня приступы падучей, галлюцинации и провалы в памяти. И в довершение всего на мне хочет жениться мерзкий зловещий горбун. Этого недостаточно, чтобы плакать?

– Ну, если смотреть на дело с такой стороны...

- А с какой еще, Терранс?
- Можно перебирать свои утраты и становиться беднее. Можно вспоминать, чем владеешь, и становиться богаче. Не ты ли недавно жаловалась, что на тебе никто не хочет жениться?
- Ох, Терри. Лучше бы это оказалось правдой... Ты видел Блудсворда?
- Нет.
- Почему?
- Странная улыбка пробежала по призрачным губам:
- Когда он рядом, я не рискую даже подглядывать. Он слишком опасен.
- Почему этого никто не замечает?
- Люди смотрят глазами. У тебя зрячая душа, Элли.
- Я отбросила подушку и сердито вытерла слезы:
- Толку от нее. Знать бы, существуешь ли ты на самом деле. Может, Китти права и я чокнутая. А ты – мой воображаемый друг.
- Ты не можешь сомневаться во мне и в то же время просить помощи. Выбери что-то одно.
- Я подняла голову. Сейчас Терранс почти не просвечивал.
- Странно, но он рос вместе со мной. По чуть-чуть, незаметно, но все же. Я раньше думала, что призраки не растут.
- Сейчас его издали можно принять за подростка. Ростом едва с меня, даже чуть ниже. Скуластый, бледнокожий, с раскосыми зелеными глазами. Темные взъерошенные волосы слегка выются на концах. Короткий жгут косички, от правого виска перевитый разноцветными шнурками.
- Красивый. Очень.
- Я всегда любила смотреть на него. Как он двигается с мягкой грацией, как улыбается. Любила его негромкий голос. И его жестокую правдивость.
- Если бы он был настоящий...
- Тебя ведь никто не видит, кроме меня, Терри.
- Так надо.
- Толку от тебя, – горько сказала я. – Не обнимешь, не утетишь. Одни поучения.
- Призрак покачал головой.
- Принцесса, зачем вы ждете, что я буду делать то, что вы и сами в силах сделать?
- Вот об этом я и говорила! Одни поучения. И давно хотела спросить: почему «принцесса»?
- Потому что до королевы тебе еще расти и расти.
- Вот всегда он такой.
- Слушай, Терри. А зачем я Блудсворду? Он мог бы найти жену знатнее, богаче...
- А я откуда знаю, – призрак очень натурально удивился. Так натурально, что я поняла: знает, но не скажет. – И да, я дам тебе кое-что гораздо лучше утешений. Совет.
- Дай совет. Что мне делать? Саймон мог бы меня спасти, но Саймона здесь нет.
- Терри покачал головой в удивлении:
- Это же очевидно! Найди его и заставь вернуться.
- Как?! Подойти к ближайшему холму и постучать?
- Общение с сестрами плохо влияет на тебя, Элли. Неужели ты откажешься от путешествия только потому, что не знаешь дороги?
- Я вскочила и начала мерить комнату шагами:
- Мне нужен проводник. Так, Терри? Хватит намеков, давай сразу к делу! Кто может знать дорогу на ту сторону холмов? Маг?
- Обычный маг здесь не поможет.
- Я же сказала, хватит игры в загадки. Где взять необычного?

– Я слышал про одного...

## Глава 3. Услуга за услугу

### *Франческа*

– Я нужна вам, Ламберт.

День едва перевалил за половину, а в кабинете сумрачно, как под вечер. Слишком мало света дают крохотные оконца, и слишком пасмурно за стенами – второй день, как небо обложено тучами. Серые, низкие, они давят, не дают дышать. В камине потрескивают дрова, отблески огня ложатся рваным красно-желтым кружевом.

– Вы – полукровка, родившийся без тени. В глазах закона это делает вас человеком.

Ламберт леан Фианнамайл яростно стискивает зубы.

– Меня растили для этого. Каждый день, каждый час. Только обучение и работа. Когда отец уехал на год, я правил вместо него. Никто не скажет, что я был плохим таном. Это мое Предназначение. И у меня есть тень...

Я не даю ему закончить:

– Князя и главы кланов не признают вас. И вы это знаете.

Он отворачивается к огню. Блики пляшут на нечеловеческом лице, превращая его в подобие карнавальной маски. Острые уши, высокие скулы – от отца фэйри. Широкий нос, округлые щеки и подбородок – это уже от матери. Огонь отражается в лазурных глазах багряными всполохами.

– Знаю.

– Поэтому я нужна вам. Именно я.

– Что может сделать одна законница? Да еще человечка.

Где-то за окном шуршит унылый ноябрьский дождь. Ох уж эти северные дожди! Холодная морось сутками сыплет и сыплет с серых небес.

Зябко ежусь, подвигаясь к огню. Не будь в резиденции клана Танцующих-с-Ветром так холодно и неуютно, я могла бы подумать, что вернулась в Кастелло ди Нава. Гулкие залы, узкие лестницы, стрельчатые окна, высокие потолки, запах чуть отсыревшего камня. Кажется, выгляни в окно – увидишь виноградники на склонах холмов и Эрану в закатных лучах, услышишь, как перекрикивается стража и блеют козы...

Но в Рино даже зимой теплее и больше солнца.

– Последние шестнадцать лет я изучаю право на стыке законов людей и фэйри. Юридические казусы. Прецеденты. Лазейки. Ваш случай нельзя назвать простым, но если вы наймете меня и будете слушаться, я гарантирую решение в вашу пользу.

Мои слова звучат уверенно и сухо. Убедительно. Так говорят Мастера, рассуждая о своем деле.

Фэйри бесконечно уважают чужое мастерство, оно в их глазах всегда связано с Предназначением. И неважно, что Ламберт – полукровка. Он впитал это с молоком кормилицы фэйри, с наставлениями отца. Он должен поверить.

– Какую оплату вы хотите?

Полированное дерево подлокотника врезается в ладонь.

– Это не будет стоить вам почти ничего. Только немного информации. Услуга за услугу.

Ламберт кривит тонкие губы и молчит. Он уже все понял, но ждет, когда я скажу это вслух. Таковы правила.

– Вы расскажете мне правду, – выдыхаю я и чувствую, как сердце внутри начинает колотиться, точно после долгого бега. – Как вы получили тень?

– Люди, – с отвращением произносит монгрел. – Так и знал, что все этим закончится.

– Я – ваш единственный шанс, Ламберт, – я принуждаю говорить себя все так же медленно и веско, пусть сердце бьется где-то у горла и хочется сорваться на крик. – Доверьтесь мне, и я заставлю князей и танов забыть о вашем происхождении.

Все время, пока он ворошит кочергой угли и думает, я сижу, кусая губы. Нельзя давить, нельзя поторапливать. Пусть подумает...

Он выберет правильно.

Сын главы клана фэйри и смертной женщины. Полукровка, калека, рожденный с жалким подобием тени. Ни толики магии.

Его воспитывали как правую руку наследника, но десять лет назад сын тана Фианнамайла пропал.

А потом случилось необъяснимое. Непонятное, чудесное, невозможное.

Подарившее мне надежду.

Как давно это произошло? Не знаю. Ни Ламберт, ни его отец не спешили кричать на каждом углу о свершившемся чуде. Я впервые услышала о полукровке, когда погиб его отец и оказалось, что в клане Танцующих-с-Ветром нет чистокровных фэйри с Предназначением правителя.

Но есть Ламберт...

Законы бытия неумолимы: невозможно обрести тень, как невозможно стать фэйри, будучи рожденным человеком.

Иногда невозможное все же происходит.

– Я догадывался, что вы здесь ради этого. Зачем еще? Вы – человечка в мире фэйри. Рабыня Стража, несмотря на все ваши знания и уважение Северного двора.

Усмехаюсь на «рабыню», но молчу. Слово «жена» подошло бы куда больше, но я давно оставила попытки разубедить каждого встречного.

И все же против воли рука тянется к ошейнику.

Не просто знак принадлежности моему мужчине и не просто символ рабского статуса. Творение злого чернокнижника, артефакт, заставляющий бездумно подчиняться приказам хозяина, если он того пожелает.

Я так давно ношу ошейник, что уже не помню, каково это – не чувствовать на горле мягкого, но властного охвата. Двадцать лет. Большую часть жизни.

Двадцать лет назад лорд-Страж купил меня у герцога Рино – моего отца. Увез из родной страны, надел ошейник. Странно вспомнить, как я его ненавидела...

Тогда мы оба не знали ни друг друга, ни о той особой связи, которую артефакт создал между нами.

Порой я думаю: могло ли тогда, двадцать лет назад, все пойти по-другому? Могли ли мы понять друг друга без боли, обид, недоверия?

Ошейник – наше благословение и проклятье. Причина, по которой я не старею. Причина, по которой мой мужчина не может жениться на мне – законы фэйри не позволяют жениться на рабынях.

За бессмертие и вечную молодость нужно платить.

Когда-то я сказала Элвину, что неважно, есть на мне ошейник или нет, если он не пользуется его силой и снимет, как только я потребую.

Я ошибалась...

Мы неравны, и моя зависимость – яд, что ежедневно отравляет нашу близость. В глазах фэйри я рабыня. Человечка в ошейнике. Голос Стража. Любое мое достижение принадлежит не мне – Элвину.

Но если у меня появится тень...

– Не стану вас обманывать, – продолжает мой собеседник. – Нет способа обрести тень. Или есть, но я его не знаю.



– Тогда откуда...  
– Случайность, совпадение. Не надо идти по моим следам. Я не хочу вашей смерти. Это гиблое место...

– Место?

Полукровка вздыхает:

– Зачем вам тень?

– Вы спрашиваете, зачем мне бессмертие?

– Я знаю, лорд-Страж и так подарил вам бессмертие. Неужели люди так жадны, что не в силах остановиться на полпути?

Мое возмущение от ханжеских слов столь велико, что прорывается наружу:

– Легко рассуждать о человеческой жадности теперь. Что бы вы сказали десять лет назад?

– То же самое, – он медлит, вглядываясь в мое лицо. – Людям не понять, но тень – это сила, которая всегда дается для чего-то. Поэтому у фэйри есть Предназначение. Хотите, я дам зарок на Великий долг? Великий долг главы клана – хорошая оплата.

Он что же, держит меня за дуру? Смешно сравнивать.

– Нет. Просто расскажите, что с вами случилось.

– Это знание будет бесполезным для вас. Рискнете повторить мой путь – погибнете.

– Или пойму, что вы правы, и не стану рисковать.

Ламберт не верит. Я сама себе не верю. Потому что, если есть хотя бы крохотный шанс, я должна попытаться...

– ...Дети? – Элвин отводит взгляд. – Было бы неплохо. Но какой смысл говорить об этом? Очень хочешь наблюдать, как мальчишка, которого мы усыновим, будет взростеть и стариться? У вечной жизни и вечной молодости есть свои неудобства.

Он прав, и в этом наша общая боль.

Я представляю себе мальчика со светлыми, как у него, волосами и моими глазами. Или девочку... я бы плела ей косы и рассказывала на ночь сказки.

– Мне всегда казалось символичным, что Стражи бесплодны, – теперь в его голосе столько яда, что хватит отравить всю рыбу в Темесе. – Квинтэссенция бесполезности.

– Не надо, – тихо прошу я. – Это ведь неправда.

– О, еще какая правда. Знаешь, нас создавали, как детали механизма. Двенадцать, чтобы с запасом. Если парочка сломается – не страшно. Ну зачем деталям дети? Смешно.

– Джанис говорил, что все дело в тени. Если бы я...

Он перебивает меня с неожиданной яростью:

– Большие слушай Джаниса, он вечно носится с дикими идеями. Думаешь, у меня было мало романов с фэйри?

Подхожу сзади, чтобы обнять его, уткнуться носом в плечо и тихо спросить:

– Кто-нибудь из них хотел от тебя детей?

Лорды и леди из Братства Стражей, «искусственные фэйри» – так однажды назвал себе подобных Джанис. Шесть мужчин и шесть женщин из человеческого рода, принявшие в дар от ушедших богов волшебную тень, а вместе с ней – магию и бессмертие.

Считается, что Стражи бесплодны, отдали способность к деторождению в уплату за могущество, но я не желаю верить в это. Лишить кого-то навсегда счастья материнства или отцовства – слишком жестоко, а боги добры и милостивы.

У людей есть душа, у фэйри – тень. У людей – дар свободы, у фэйри – бессмертие, могущество и Предназначение. И только Стражи наделены и душой, и тенью. Оттого и способны зачинать детей лишь с обладателями тени.

У фэйри не бывает случайных или неожиданных детей. И Ламберт леан Фианнамайл появился на свет потому, что его отец так захотел. Захотел настолько, чтобы отдать частичку себя.

Люди смертны, поэтому им так важно оставить после себя хоть что-то. А Стражи ближе к людям, чем к волшебному народу, как бы горячо Элвин ни спорил с этим.

Иногда я вижу его во сне. Мальчика со светлыми, чуть выющимися волосами, серыми глазами и знакомой улыбкой. Улыбкой Элвина.

Мой мужчина не хочет обсуждать это. Язвит или делает вид, что ему все равно. Но я-то знаю...

Ламберт тяжело вздыхает:

– Ваша взяла, леди. Видят боги, я предупреждал.

– Сделка?

– Сделка. Если вы заставите кланы признать меня таном, я расскажу обо всем, что случилось тем летом.

### *Элисон*

Забиралась ли я так далеко от дома в одиночестве? Не помню. Моя память – дырявая ветошь, в нее задувает ветер и сыплет мелким песком время. Я не знаю, убегала ли когда раньше из дома. Кажется, нет.

Помню, как была в Рондомионе в прошлом году на зимней ярмарке. Мороз кусал щеки, падали крупные снежинки. Мы с Китти зашли в булочную и взяли выпечки. Она восхитительно пахла ванилью.

Сейчас город казался неухоженным и встрепанным. Сырой ветер от реки пробирался под плащ, выдувал остатки тепла. Из туч сочилась мелкая морось.

Извозчик высадил меня на окраине, но уезжать не спешил. Я шла по еле заметной тропке среди развалин и чувствовала спиной его любопытный взгляд.

Наверное, сюда нечасто приезжают одинокие девушки. Хорошо еще, что я догадалась переодеться в простую одежду.

Только свернув за поросшие пожухлой травой руины здания, я почувствовала себя свободнее. Впереди за провалом арки начиналась чернота. Остатки крытой галереи.

– Вон та башня. Дальше я не пойду с тобой, Элли. Сними кольцо и спрячь его где-нибудь здесь. Например, под тем камнем.

– Почему?

Оставить здесь Терри?! Лишиться друга, который всегда был со мной, с двенадцати лет?

Я же без него ничего не смогу! Я даже не помню, как это – быть совсем одной.

– Нельзя. Колечко слишком приметное. И я должен ждать тебя здесь. Чтобы ты вернулась.

– Терри, пожалуйста! Я боюсь.

– Не бойтесь, принцесса. Вам все по силам. Главное, не забудьте взять с него клятву. Слово в слово, как я учил.

Мой безжалостный придуманный друг. Он не верит ни в какие «я не могу» и смеется над жалобами.

– А если маг откажется?

– Тогда и будем думать, что делать. – Он кивнул в сторону зловещего черного туннеля. – Иди. Просто пройди насквозь, считая шаги. И ничему не удивляйся, когда выйдешь.

Я сняла колечко и теперь вертела в руках. Выпустить было страшно. А вдруг не найду потом?

– Там темно.

– Темно, но безопасно, обещаю. Представь, что гонишься за кем-то. Например... за кроликом в камзоле.

– Кролик в камзоле, – пробурчала я себе под нос. – Здравствуй, Очередная Невероятная Галлюцинация. Элисон, очень приятно.

Ветер разнес по развалинам смех моего друга.

\* \* \*

В туннеле было сыро и жутко, поэтому я, чтобы отвлечься, представляла себе кролика в камзоле, как советовал Терри. Как этот кролик вышагивает важно, на задних ногах – нельзя же на четвереньках в камзоле. И уши длинные повисли по разные стороны от морды.

Эти мысли так отвлекли, что я даже бояться забыла. А когда вышла с другой стороны – ахнула.

Потому что мир стал другим.

Невозможно ярким и четким. Суровым и прекрасным.

Настоящим.

Как будто раньше я жила в выгоревшей на солнце фреске, а теперь ее раскрасили заново.

Деревья, развалины, река рядом – все осталось на том же месте. И все же изменилось. Мне вдруг подумалось, что именно таков их настоящий облик.

Древняя часовая башня больше не казалась заброшенной. Росший на ней выюнок превратился в дерево – гладкое, мощное, как мускулистое тело. Я откинула капюшон, да так и застыла под мелким морозящим дождем, разглядывая, как камень и лоза сплетаются в объятиях.

Только когда за шиворот начало затекать, я вспомнила, что не просто так здесь, а по делу. Помялась перед дверью, набираясь смелости. А потом все-таки постучала...

### *Элин*

Тихое царапанье со стороны двери я услышал далеко не сразу. А услышав, задумался, стоит ли открывать. Франческа уехала в Сэнтшим, ей втемяшилось в голову выиграть дело Ламберта леан Фианнамайла. Похвально, но безнадежно: фэйри никогда не признают полукровку таном.

Я был один и не ждал гостей. Уютное кресло, огонь в камине, интересная книга и дождь за окном – что еще нужно для хорошего осеннего вечера?

Потом любопытство победило, и я спустился посмотреть, кто там скребется.

– Мне нужна помощь, колдун! – огорошила она меня прямо через порог.

Я приподнял бровь и смерил ее взглядом. Раз пять. Потом кивнул:

– Ну конечно. Я же известен в Рондомионе как главный помогайка. Отчего бы сельским девкам не бегать ко мне каждый раз, когда нужно сделать приворот или скинуть ребенка?

Судя по одежде, даже не горожанка – крестьянка. Молодая и довольно хорошенькая, хоть последнее утверждение лучше проверить еще раз, когда обсохнет у камина. Волосы сосульками, губы дрожат, плащ весь мокрый.

Я посторонился и сделал пригласительный жест. Девчонка, поникшая было при моих словах, снова оживилась. Бочком пробралась мимо и застыла нерешительно в холле.

Она зря боялась, что я ее прогоню. Крестьянская девчонка, которая сумела зайти на Изнанку, да еще и сделала это в поисках моего общества, – явление уж слишком нетипичное, чтобы захлопнуть дверь перед ее носом.

Как минимум ее кто-то научил.

Я пригласил девушку в гостиную и даже предложил вина. Она отказалась. Сесть в кресло – тоже. Стояла передо мною, теребила пальцами край нарядно вышитого пояса и отчаянно трусила.

Я решил не подкидывать ей реплики. Раз у девчонки ко мне дело, пусть излагает. А она молчала. Отводила взгляд и снова возвращалась к моей левой руке. Пялилась на нее, как на ярмарочного уродца. Я почувствовал, что раздражаюсь от такого внимания. Да и пауза слишком затянулась, пора прекращать спектакль...

Но крестьянка наконец решилась.

– Я прошу помощи, колдун.

А хороша пейзажечка. Я даже залюбовался. Статная, ладная, не похожа на крепко сбитых деревенских бабищ. Не иначе как заезжий рыцарь или лорд улучшил породу в ее деревеньке.

– Я это уже слышал. И я не помогаю бесплатно.

Я вообще не помогаю, будем честными. Ни бесплатно, потому что благотворительность развращает. Ни за деньги, потому что не нуждаюсь в них.

– У меня есть чем заплатить, – плащ слегка распахнулся, когда она потянулась к кошельку на груди.

– Намекаешь на то, что я нищий? Не оскорбляй меня, женщина, мне не нужны твои крестьянские гроши.

– Это большие деньги.

– Да хоть все сокровища короны. Предложи действительно достойную плату или уходи.

– Простите. Не хотела вас обидеть, – ее голос задрожал.

Предположение, что этот милый ребенок мог меня обидеть, вызвало улыбку. На самом деле я самым бессовестным образом развлекался за ее счет.

– А что бы вы хотели? – ее голос дрогнул.

– У меня все есть.

Почти правда. Было немного любопытно, как она попала на Изнанку и откуда узнала про меня. Но вряд ли эта информация могла послужить достойной оплатой.

– Как зовут тебя, прелестное дитя?

– Элли... – она откашлялась. – Элли Браун.

– И какой помощи ты хочешь от меня?

– Мой... мой жених. Саймон. Он исчез. Куч... кузнец видел, как его похитили ши.

Я приподнял бровь:

– Похитили?

– Да, – казалось, что это невозможно, но она покраснела еще больше. – Он ушел за ним... за ней. Мне нужно вернуть Саймона. Вы поможете?

Тут мне захотелось выругаться. Потому что я наконец ее узнал.

Элисон – так ее звали. Старшая дочь лорда Генри Майтлтона. Я встретил ее, когда хоронили брата Франчески.

Сколько лет прошло? Шесть или восемь... тогда на похоронах патера Вимано она была совсем девчонкой – платье с кружавчиками, косички.

А рыжий Саймон совсем не был ее женихом. Он был ее братом.

Пусть в последние годы я стал частым гостем в человеческом мире, привыкнуть к тому, как быстро взрослеют и стареют смертные, так и не смог. В мире фэйри, где все неизменно и каждый год похож на предыдущий, слишком легко позабыть про время.

Девочка выросла. И превратилась в женщину. Весьма привлекательную женщину, это невозможно было не заметить даже сейчас, когда она была мокрая, продрогшая, в простом крестьянском платье.

Не знаю, что меня больше завело – собственная невнимательность или ее ложь, но я почувствовал настоящий азарт.

– Смотря что ты предложишь взамен.

Элисон, похоже, держала меня за идиота, способного купиться на дешевый маскарад. И что обидно, я на него почти повелся.

Зачем ей это? Надеется, что с крестьянки потребуют меньшую оплату?

Хоть бы волосы перекрасила!

– Вы не хотите денег. Тогда что? Услугу?

– Может быть. И какую услугу ты можешь предложить, Элли Браун?

– Не знаю, – ее голос звучал так проникновенно-наивно, просто невинная овечка. – Какую?

– Ну... – протянул я, гадко улыбаясь. – Я мужчина. А ты весьма хорошенькая.

Вместо того чтобы вспылить, она испугалась.

– Меня? Вы хотите меня? – спросила девушка хриплым шепотом.

– Именно.

Элисон задумалась. Я не торопил. «Элли Браун», ха! Пусть поймет, что со мной игры в бедную сиротку не прокатят, назовет себя, и тогда мы попробуем еще раз, сначала.

– Хорошо, – после долгой паузы выдавила девчонка.

– Что?!

– Я согласна.

Она что же, думает, я так шучу?

– Тогда я хочу посмотреть на товар.

Девушка вздрогнула всем телом, уставилась на меня зелеными глазищами. Я все ждал, когда она возмутится, но она молчала, вцепившись в край плаща побелевшими пальцами.

– Давай. Раздевайся или проваливай.

Показалось, сейчас девчонка отвесит мне пощечину. Но она глотнула воздуха и кивнула.

Пальцы откинули капюшон, расстегнули фибулу на плаще, и тот опал бесформенным куском ткани к ее ногам.

Дочка графа Сэнтшимского действительно собирается раздеться в качестве предоплаты за услуги? Как дешевая шлюха?

Я даже засомневался в собственных выводах. Глянул еще раз, внимательнее. Может, просто похожа?

Зеленые глаза на бледном лице кажутся огромными, капли воды поблескивают на густой гриве. Прошлой зимой я добыл лису со шкуркой такого же изумительного темно-рыжего оттенка, чуть светлее шерсти Гейла. Золотистая тонкая кожа. Полупрозрачная, аж вены видно. Нос и щеки усыпаны конопушками. Овал лица аристократичен – такие нежные черты нередки на картинах разенских художников.

Не сказать, чтобы классическая красивая кукла, но в ней было что-то очень привлекательное. Быть может, сочетание незащитности, порочности и дерзости.

Она? Не она? Непонятно.

Но хороша! Удивительно хороша, рыжая.

Медленно-медленно ее пальцы потянулись к шнуровке на груди, распустили завязки...

Никогда не видел, чтобы женщина предлагала себя с таким преисполненным отчаяния достоинством.

Платье упало рядом с плащом, и девчонка осталась в тоненькой полупрозрачной сорочке, не скрывавшей, но подчеркивавшей ее прелести. Она бросила на меня безумный взгляд и стянула рубаху.

Пожалуй, что слишком худая – ребра видны под кожей. Россыпь веснушек по плечам. Грудь красивой формы, со слегка вздернутыми, заостренными сосками. Я залюбовался. Не люблю плоских. Ноги стройные и длинные.

Породистая молодая кобылка.

«Нет, – поправил я себя мысленно. – Не кобылка – девушка».

Грязь к ней не липла, словно и не она стояла обнаженной, готовая заплатить собственным телом. Огонек жертвенности в зеленых глазах, до крови закушенная губа, стыдливый румянец на лбу, щеках и даже шее.

Проклятье, если бы не сеньорита, я не раздумывая воспользовался бы этой возможностью.

– Повернись.

Как и думал – никаких следов порки на ухоженной коже. Слишком ухоженной и тонкой для сельской девки. Нежные ручки – ни единой мозоли, не знавшее загара лицо. Будь я проклят, если она крестьянка!

Тогда какого гриска?

Элли зябко повела плечами:

– Можно одеться?

– Можно.

Одевалась она быстро и неловко. То отворачивала пылающее лицо, то снова косилась. Губы девчонки дрожали.

Ладно, предположим, рыжий Саймон и правда приглянулся кому-то из ши. Это совершенно не объясняет, почему его сестра здесь. Не похоже, чтобы для нее было в порядке вещей вот так раздеваться перед мужчиной. Что за извращенная любовь к брату, ради которой знатная женщина соглашается на... а, будем называть вещи своими именами! На проституцию.

– И что скажет твой жених по поводу такого способа оплачивать услуги? – ехидно поинтересовался я.

– Он поймет, – без колебаний ответила Элли.

Ха! Хотел бы я посмотреть на мужчину, который поймет такое.

– Милое дитя, ши не крадут людей. За ними уходят добровольно и с радостью.

– Я знаю, – Элли опустила голову. – Но я сумею его вернуть... Вы можете?

Куда я денусь? Девчонке удалось по-настоящему раздражить мое любопытство.

– Сделаю, что смогу.

Пора было заканчивать спектакль. Признаться, что я ее узнал, и сказать, что помогу просто так.

– Поклянитесь!

– Хорошо. Клянусь.

– Не так.

– А как?

Она сказала. Классическая клятва фэйри вроде той, которую я дал в свое время Марцию Севрусу.

И вот тут все мое благодушие как рукой сняло.

Потому что предложенная Элли формулировка обязывала меня не просто найти загулявшего Майтлттона, но и вернуть парня в родительский дом.

Ненавижу, когда меня держат за идиота и пытаются использовать втемную.

Первым порывом было выставить девицу вон. Но моя вечная проблема – излишек свободного времени и неумное любопытство.

Ладно. Раз уж девочке так захотелось поиграть во взрослые игры с клятвами – поиграем.

– Поклянусь, если ты расскажешь, кто научил тебя этой клятве и показал путь к моему дому.

– Мой друг.

– И кто он такой?

– Его зовут Терранс.

– Расскажи о нем.

С ее слов выходило, что этот Терранс – обычный фэйри, ничего интересного. Дружба фэйри с людьми (да и не только дружба) редко, но встречается.

Понимала ли сама Элли, каким подловатым душком веяло от ее клятвы? Или просто повторяла слова, которым ее научил приятель?

Плевать! Такие сделки действительны, только если оба участника договора обладают магической силой. Тогда их могущество становится залогом. В нашем случае получалось пустое сотрясение воздуха.

Мы произнесли клятву и скрепили договор рукопожатием.

– Так, теперь о важном. У тебя есть родные, близкие, друзья, обязательства?

– Зачем это?

– Надо. Еще раз. Родные, близкие, друзья, обязательства?

– У меня есть мать... – Элли немного помедлила. – Две сестры, дядя, Терранс...

– Это не праздный вопрос. Путешествие будет опасным, и, если тебя ничего не держит в этом мире, ты можешь не вернуться.

– Я рискну.

– Хорошо. Мы отправляемся на Эмайн Аблах.

Элли не стала причитать и благодарить, и это мне понравилось. Только на лице застыло такое облегчение, словно она ожидала, что я потребую оплату вперед и немедленно.

Глупая девочка, тебе еще придется узнать, что все жертвы и вся ложь были напрасны.

## Глава 4. В стране вечного лета

### Элисон

Теперь я знаю, что я шлюха.

Приличная женщина бы в обморок упала. Или дала ему пощечину. Или закатила скандал. А я – разделась.

Еще помню, что в тот момент подумала: почему бы и нет? Если маг поможет, значит, все не напрасно. А если не поможет, будет Блудсворду неприятный сюрприз.

Мы, шлюхи, вообще очень практичные.

Если теперь мне кто-то предложит руку и сердце, я должна буду отказать. Не могу же я выйти замуж, не предупредив будущего супруга, что его избранница – падшая женщина. А как о таком рассказывать?

К счастью, никто не предлагает, поэтому проблемы нет.

Не знаю, согласилась бы я, будь маг страшным горбуном, как Блудсворд. Но он горбуном не был. И не был старцем с длинной бородой, как в сказках. Молодой, даже красивый, несмотря на жуткую руку. Светловолосый, с холодными глазами и неожиданно обаятельной улыбкой. Мне показалось, он немного похож на офицера, с которым я целовалась два года назад. Не совсем взаправду, не в губы целовалась. Мне очень хотелось, но тогда я еще надеялась выйти замуж и знала, что нельзя позволять мужчине лишнего. Поэтому разрешила только чмокнуть меня в щеку. А потом сбежала. А Терри еще ругался, что я становлюсь похожей на Китти.

Это Терри придумал – переодеться, чтобы без помех доехать до столицы. Все будут искать знатную леди, а если я оденусь как крестьянка, меня никто не узнает. Другого платья я не захватила, поэтому пришлось идти к магу так.

Повезло, что колдун принял меня за сельчанку. Знай он мое настоящее имя, я бы никогда не смогла раздеться – стыдно. Так бы и вернулась домой ни с чем.

Может, не стоило врать про жениха? Но я подумала: если скажу, что Саймон мне брат, маг откажется помогать. Мол, отстань, не мешай, у юноши любовь.

В сказках дева всегда вызволяет любимого.

Так что я не только шлюха, но и лгунья.

\* \* \*

Красивый конь у мага. Я не встречала раньше лошадей с длинной шерстью, как у собак. Хотела его погладить, но колдун поймал меня за руку.

– Гейл у нас как девица. Не любит, когда его лапают.

Конь в ответ сердито фыркнул, как будто понял все, о чем мы говорили, и выпустил из ноздрей две струйки дыма, а по рыжей шерсти пробежали искорки. Я уставилась на него в полнейшем восторге.

А потом я поняла, что попала в сказку. Потому что из темного угла выкатились два мохнатых карлика. И принялись седлать чудо-коня. Я глаз отвести не могла, наблюдая, как они ползают вверх-вниз по стремянке, надевают потник, затягивают подпругу.

– Не боишься?

– Нет. А надо?

– Не надо, – маг улыбнулся по-доброму, и я не смогла не улыбнуться в ответ.



Странно: когда я просила его помочь, он разговаривал совсем по-другому. Более жестко, высокомерно. Мне даже показалось, что он за что-то злится на меня. А теперь колдуна как подменили. Я понимала, что надо бы ненавидеть его за цену, которую он потребовал, но не получалось.

Я же сама согласилась.

Карлики управились с седлом, шмыгнули в угол и растворились, как будто их и не было. Мне хотелось задать сразу столько вопросов, что я совершенно не знала, с чего начать. Да и не знала, захочет ли маг ответить.

Он вывел коня наружу. Дождь уже не крапал слегка, но лил. И небо сердито громыhalo, намекая, что будет гроза.

– Готова к самой безумной скачке в своей жизни?

Я не была уверена, что готова, но кивнула.

Так и не поняла, как он в седле оказался. Только что стоял рядом, и вот...

– А я?

Он хлопнул рукой перед собой:

– Только так. Ни один конь не угонится за Гейлом.

Я хотела спросить, как же я залезу на коня, когда карлики утащили стремянку с собой, но поймала взгляд мага и поняла: это испытание мне. На находчивость. Я же в сказке, а в сказках герой всегда должен доказать, что достоин помощи.

К счастью, совсем рядом стояла колода. Я кивнула и влезла на нее, а маг меня подхватил и усадил перед собой.

– А куда мы поедem?

– К морю. Как иначе попасть на остров?

– Но будет буря. И ночь скоро.

Он рассмеялся.

– Буря – это прекрасно! Держись крепче.

### *Элвин*

Вокруг бесновался ветер, чернота пеленала нас и хлестала плетями дождя. Вихри визжали, ревели и выли на разные голоса. А мы летели, рассекая тьму, грязь, воду и ветер. Гейлу не нужны маяки. Плоть от плоти бури, он не знает усталости или страха. И чем яростней негодовали ветра, тем быстрее скакал Гейл сквозь непроглядный мрак штормовой ночи.

К рассвету буря выдохлась, и Гейл перешел на шаг. Элли изумленно оглядывалась по сторонам. Привычные холмы и леса, окружавшие Рондомион, сменились камнями и скалами. То тут, то там вставали серые, покрытые мхом дольмены. Стало гораздо холоднее, а в воздухе запахло солью и морем.

– Мы так далеко уехали? – Она дрожала от холода, ее плащ и платье насквозь промокли во время скачки. Я обнял ее одной рукой, прижал к себе и невольно вспомнил, как соблазнительна рыжая без одежды...

Если забыть о ее неумелой лжи и попытке манипуляции с клятвой, Элли держалась замечательно. Не боялась, не задавала глупых вопросов, не ныла и не требовала к себе особого отношения.

Она начинала мне нравиться. По-настоящему нравиться. Проблема...

– В бурю для Гейла нет преград, кроме моря. Ты замерзла?

– Немножко, – она улыбнулась посиневшими губами.

Скалы расступились и вывели нас к обрыву. Впереди все пространство, что мог охватить взгляд, занимало серое море и такое же серое хмурое небо. А прямо у ног начиналась почти

незаметная тропа, ведущая вниз, туда, где черные волны в клочьях грязной пены с обреченным упорством штурмовали скалы.

Я спрыгнул с коня и снял свою замерзшую спутницу. Она прижалась ко мне, мелко дрожа, зубы выстукивали негромкую дробь.

Гейл недовольно фыркнул, когда я хлопнул его по шее.

– Скачи домой.

Он покосился неодобрительно, но послушался и потрусил обратно той же тропинкой.

Я снял с пояса рог, поднес к губам и повернулся к морю. Тяжелый, низкий и хриплый звук пронесся над водой, и скалы застонали, подхватив заунывную ноту. Налетевший ветер высушил мои волосы и одежду, рев рога отразился от водной глади и устремился в небо, чтобы снова вернуться в море. Дольмены, волны, чайки, короткий бурый мох и свинцовые облака подпевали звуку рога, и из шорохов, плеска и стонов начали складываться слова древней страшной песни.

Сгустилась, схлопнулась, клочьями повисла на облаках тьма, черными снежинками высыпалась на воду, закружилась водоворотом. Элли шумно вдохнула и дернулась, словно собираясь сбежать. Этого еще не хватало! Я опустил ей руку на плечо и сжал пальцы, она тихо ойкнула.

– Пошли, – скомандовал я, пропуская ее вперед по тропинке. Она посерела от ужаса, но подчинилась.

Спускалась девчонка медленно, отчаянно цеплялась за руку, не отводя взгляда от моря, где черные снежинки уже собрались в борта, весла, паруса. С каждым нашим шагом вниз корабль становился объемнее и реальней. Вот он похож на силуэт, обрисованный углем на серой воде. Шаг. На силуэте появились доски, а на парусе – полоски. Шаг – носовая фигура сложилась в оскаленную драконью пасть. Шаг – пространство раздвинулось, и корабль встал перед нами во всем своем чернильно-черном великолепии.

Последний шаг, и с корабля навстречу спустился грубо сколоченный трап.

Здесь мелко и много острых камней, о которые бьются даже лодки рыбаков. Неважно. Мой корабль ходит по иным морям.

Я подтолкнул Элли:

– Ну, иди же!

Она еще раз бросила на меня отчаянный взгляд, сглотнула и ступила на трап. Я нарочно не стал вдаваться в объяснения. Было интересно, выдержит ли девчонка.

Не сбежала. Поднялась по шаткому трапу и встала у борта, вглядываясь вниз. Хрупкая фигурка, завернутая в насквозь промокший плащ.

Наверное, мне хотелось, чтобы она струсила. Или хотя бы повела себя истерично и неумно. Чтобы это наваждение прекратилось. Ее наивность, открытость, красота и, чего уж скрывать правду, доступность превращали девушку в слишком большой соблазн.

Проблема...

### *Элисон*

– Какой странный корабль. И до сих пор не видно никого из команды.

Он покачал головой:

– Будет лучше, если ты никого из них и не увидишь.

Я поежилась, глотнула вина, которое маг налил в кубок, и не ощутила вкуса. Здесь все было каким-то серым, словно само пространство выпивало у жизни краски. Бесцветие просачивалось из каждой щелочки, звуки вязли, вещи теряли объем.

Только мерный скрип, что шел от весел, и был настоящим. Негромкий, но такой противный. Хотелось заткнуть уши, лишь бы его не слышать.

– Почему нельзя было нанять обычный корабль?

– О! А у тебя есть карта пути до Эмайн Аблах? Что же ты молчала?!

Мне стало стыдно. Понятно же, что я в сказке, здесь свои законы. В страну ши не попасть обычными путями. А маг взглянул на меня и смиротворился:

– Корабль Проклятых – единственный способ быстро попасть на Яблонево остров, который я знаю. Холмы мне неподвластны.

– И сколько нам плыть?

– «Сколько» – неподходящее слово. Здесь нет времени.

Он был прав.

Здесь не было ни времени, ни вещей, одни иллюзии. Моя одежда промокла до нитки, но я не ощущала этого, как не ощущала и холода. Ничего. Пустота. Тоскливая серая пустота.

– Но почему он... такой?

– Это давняя и унылая история.

– Я слышала легенду о воинах, нарушивших клятву.

– Значит, ты и так все знаешь.

– Я почти ничего не помню. Расскажите...

Он нахмурился. Мне показалось, что он совсем не хочет об этом говорить. Я бы и не стала спрашивать, но молчание было слишком тягостным. Хотелось заполнить тишину хоть чем-то.

– Люди сплошь и рядом нарушают данные друг другу обещания, но эту клятву принимал не обычный человек. И он обиделся на такую необязательность.

– И что?

– Проклял, как обычно принято у могущественных ублюдков. Слышишь? – маг замолчал, и в наступившей тишине снова раздался мертвенный скрип. – Они все еще там. Всегда на своих местах, у весел, у руля...

Тоска навалилась, как тяжелый камень, придавила к полу. Даже страх куда-то делся, словно его пеплом присыпало. И вино не пьянило. И человек рядом вдруг показался мне древним и усталым.

Мне так отчаянно захотелось тепла в этой бесконечной серости, что я чуть было не взяла мага за руку. Но он посмотрел хмуро, будто знал об этом моем желании и не одобрял его. Поэтому я постеснялась.

Еще подумала, что не спросила его имени, а теперь уже неловко. Он-то мое спросил...

Мой проводник усмехнулся:

– Кстати, проклятье все еще в силе. Так что не давай необдуманных обещаний, если не хочешь провести здесь посмертие. О, чувствуешь, запахло яблоками? Приплыли.

Мы вышли на палубу. Впереди из серого промозглого ничто выросла силуэт берега.

И на берегу было лето.

Цвели яблони, солнце играло в бирюзе прибрежных волн. А прямо у песчаной косы выстроилось два десятка статных золотовласых воинов с луками в руках.

– Я смотрю, Мэй лично вышла встретить гостей, – колдун кивнул на женщину в белом платье, стоявшую во главе отряда. – Как считаешь, мы должны почувствовать себя польщенными?

– Не знаю.

Опять он шутил о чем-то, чего я не понимала.

Вблизи женщина оказалась еще красивее, чем я ожидала. И у нее действительно были зеленые волосы. Не парик. А еще алые губы и сияющая кожа. Тонкие, насмешливо изогнутые брови, высокий лоб, чуть вытянутый овал лица и горделиво изогнутая шея. В руках женщина сжимала выточенный из камня посох. Тоже зеленый, в тон к волосам.

– Ну и ну, Элвин, ты ли это? И что это за забавная зверушка рядом с тобой?

В голосе незнакомки слышалось столько высокомерия, что все мое восхищение ее красотой сразу прошло. Она смотрела на меня с презрительно-брезгливой улыбкой, словно гадкое насекомое углядела. И я сразу под этим взглядом вспомнила, что на мне крестьянское платье, грязное и мокрое. И волосы грязные и спутанные. И вообще вид как у нищенки.

Маг опустил руку мне на плечо:

– Познакомься, Элли. Это моя сестра Мэй. Нетрудно догадаться, не так ли? Очаровательные манеры и врожденная вежливость – это у нас семейное. А еще она регент ши. Тоже в некотором смысле семейное...

– Королева!

– Регент. Королеву зовут Августа.

Я только глазами хлопала, слушая, как они цапаются. Вот тебе и «необычный маг», спасибо, Терри! Ух, когда заберу кольцо, все ему выскажу! Мог бы хоть предупредить...

– Королева! – почти прошипела женщина. – Августа не вернется, ей и на Изнанке с мужем хорошо. Зачем приехал?

Он ухмыльнулся:

– А если я скажу, что соскучился по дорогой сестре, ты согласишься?

– Нет!

– И правильно. Я был так обеспокоен, когда узнал, что ты перешла на селюков, что решил вмешаться. Фи, сестричка, как же твой хваленый вкус? Не боишься за репутацию?

Королева удивилась. Очень-очень удивилась, а у меня от страха аж внутри все скрутилось. Я поняла, что сейчас колдун узнает мое настоящее имя. И будет так стыдно, что хоть в море прыгай. Получится, что я лгунья, выставила его дураком перед сестрой.

Ну почему я об этом не подумала, когда врала? Надо признаться, пока не поздно!

Я шагнула вперед, но сказала совсем не то, что собиралась.

– Милостивая королева, я прошу отпустить моего... моего жениха Саймона, – выпалив это, я зажмурилась и приготовилась, что сейчас меня разоблачат и высмеют.

Ой, ну какая же я бестолковая! И трусиха к тому же.

Но она не торопилась выводить меня на чистую воду.

– Значит, ты здесь, чтобы помочь простой крестьянской девочке, Элвин? Как трогательно.

– Не менее трогательно, чем твоя страсть к простому крестьянскому мальчику.

– Пожалуйста, – протянула я и поняла, что голос дрожит. – Позвольте ему вернуться в мир людей. Здесь он всего лишь игрушка, а дома его ждет семья...

Она наконец снизошла, чтобы ответить мне:

– Понимаю твою горе, замарашка. Но Саймон отправился в мое королевство добровольно, и я не хочу отпускать его. Этот мальчик развлекает меня.

– Позвольте хотя бы увидеть его...

– Не позволю, – отрезала королева.

Это был конец. Пройти весь путь и уйти ни с чем, потому что мне не дадут даже поговорить с братом?! Вернуться домой, где уже поджидает Блудсворд?! Я плохо умею ненавидеть, но в тот момент почувствовала настоящую ненависть к этой злой женщине.

За что она так?

Маг стиснул мою руку чуть выше локтя, как бы предупреждая не лезть. И снова заговорил:

– Хочешь выгнать нас, Мэй? А как же испытание?

– Это ничего не изменит. Саймон не хочет возвращаться.

– Пусть скажет об этом, глядя в глаза своей невесте.

– Хорошо, – ее многозначительная улыбка не предвещала ничего хорошего. – Я подберу для тебя испытание, девочка. Но не будем беседовать на берегу, подобно смердам. Будь моим гостем, Элвин. Отдохни в моем доме, попробуй моего сидра.

\* \* \*

Это была не ванная, скорее уж маленький бассейн. Выложенный разноцветной мозаикой край начинался вровень с полом. Под тяжелой шапкой пены бурлила вода. Как в котле на огне.

Представилось: внизу, в подземелье, горит костер. И мохнатые карлики, вроде тех, которых я видела у мага, всё подкладывают и подкладывают в него дрова. И смешно, и страшно. Как бы не свариться!

Я нерешительно тронула воду пальцами ног. Горячая, но не обжигает. Набралась смелости, шагнула в пушистое, пахнущее ландышами облако. Сразу стало так хорошо! Озябшие пальцы чуть покалывало, и память об осенней буре и туманной жути медленно уходила. Горячие струи били со дна, поглаживая тело. Я откинулась на бортик, ощущая такую блаженную, сладкую усталость...

И заснула.

Проснулась оттого, что маг тряс меня за плечо.

– Приятных снов.

– Ой, – мне стало стыдно. Он пустил меня первой, потому что я обещала быстро. – Извини.

– Не вылезай, мы вдвоем прекрасно поместимся.

Я снова ойкнула и оглянулась в поисках своей одежды. Надевать ее, замурзанную и вонючую, на чистое тело ужасно не хотелось. Но что поделать, когда всей одежды у тебя только грязное крестьянское платье?

Его не было. Ни платья, ни сорочки, ни плаща. А я точно помнила, что оставила их на лавке. Теперь там лежали только два полотенца.

Маг начал расстегивать камзол.

– Где мои вещи?

– Служанка унесла.

– А как тогда... – Я снова огляделась. Ничего похожего на одежду в купальне не было.

– Как-нибудь. – Он снял рубашку, и я, вспомнив наставления мисс Уайт, зажмурилась.

А потом открыла один глаз, чтобы подглядеть. Чуть-чуть, в щелочку.

Сразу бросилась в глаза его рука. Я думала, она целиком медная, а оказалось, что нет. До запястья – нормальная, человеческая. А из запястья выросли темные жгуты. Сплетались, свивались в единое целое, как изгородь из лозы или корзина. А бронзовые накладки сверху прикрывали и защищали эти жгуты.

Мне стало до ужаса любопытно, зачем магу такая рука. Но я постеснялась спрашивать.

Он расстегнул пряжку пояса, и тут я опомнилась. И вскочила.

– Останься. Я тебе спинку потру.

– Н-н-не надо... – Выбраться из бассейна удалось не с первого раза. Разомлевшее в тепле тело никак не желало слушаться. Наконец я перевалилась через бортик и прошлепала, оставляя мокрые следы, к полотенцу. Завернулась в него и вскочила за дверь.

Вслед мне летели его смех и издевательское «Подожди меня в кровати».

\* \* \*

В кровать я из принципа не пошла. Села на диванчик, обняла себя за плечи. С мокрых волос стекали струйки воды, пропитывали пушистое полотенце.

Только сейчас я до конца поняла, на что согласилась в уплату за возвращение Саймона. И как же противно стало от этого понимания.

Признаться, я довольно бесстыжая. Нельзя вырасти стыдливой, когда у тебя друг-призрак, который всегда с тобой. Точно знаю, что Терри за мной в ванной подглядывал, и не раз.

Если бы маг немного поухаживал, я бы уступила. Наверное. Все равно старой девой останусь, а так хоть будет что вспомнить. Но от осознания, что он меня купил, что я не могу отказаться и ничего не решаю, становилось гадко. Я даже заплакать хотела, но потом передумала. Сначала надо Саймона вернуть, потом буду плакать.

Королева поселила нас в одних покоях. Я, когда узнала, хотела возмутиться, но колдун посмотрел, как взглядом облапил, и спросил:

– Имеешь что-то против?

А я вспомнила про нашу сделку и не нашлась, что возразить.

Ужасно быть падшей женщиной. Никакого к тебе уважения.

Комната была совсем простая и почти без мебели, зато с окном во всю стену. За стеклом виднелись верхушки деревьев и морская бескрайняя синева. Еще одну стену занимало зеркало, а две другие покрывала тончайшая роспись, изображавшая лесную чащу. Деревья смотрелись совсем как живые – каждая веточка, каждая прожилочка на листочке выписаны. Будто сидишь среди настоящих зарослей. Сквозь стекло лилось солнце, плясало в кронах нарисованных деревьев и отражалось слепящими бликами в зеркале.

Маг появился неслышно. Прошел мимо почти голый, только полотенце на бедрах, и рухнул на кровать.

Я отвернулась, потому что все это ужасно неприлично, но в зеркале тоже был колдун. И я начала его разглядывать, потому что неприличное всегда интереснее приличного.

Раньше я видела только одного полуголого мужчину – разеннского героя Луция Грозного на картине в комнате маменьки. У героя были борода, палица и огромные мышцы буграми – я в детстве думала, что это у него болезнь такая, от которой тело опухает.

Колдун смотрелся как-то... естественнее, чем герой с картины. Не такой мускулистый, не такой волосатый.

И еще было в нем что-то хищное, порочно-привлекательное...

Стоило мне подумать эту мысль, как маг повернул голову, встретился со мной взглядом и подмигнул. Я покраснела.

– Почему вы не сказали, что она ваша сестра?

Он гадко ухмыльнулся:

– Ты не спрашивала.

Как я могла о таком спросить, если не знала?

А если подумать, то я тоже не сказала, что Саймон – мой брат. И получается, что мы оба были нечестны. И оба смотрелись бы дураками, пожелай королева нас опозорить. Она-то всю правду знает.

– Как тебе Мэй? – продолжал он насмешливым голосом.

– Она красивая, – я решила не врать. – Но неприятная.

Маг рассмеялся:

– Мэй спесива, как купчиха, получившая титул. И совершенно не умеет держаться. Так отчаянно и безуспешно подражает Исе.

– Кто такая Иса? – Задав вопрос, я тут же забыла о нем, потому что по поверхности зеркала прошла рябь, как по воде от ветра. И почти сразу прекратилась.

– Княгиня фэйри. Умная стерва с бесподобным вкусом. Сестренке до нее как до луны...

Я глазела на свое отражение, почти не слушая рассуждения мага. Элисон из зазеркалья смотрела с подозрением, а само зеркало больше не двигалось: твердое и основательное даже на вид.

– Эмайн Аблах – слишком бесконфликтное местечко. Местному народу королева нужна в роли Майского древа, – продолжал маг. – Нарядить и водить вокруг нее хороводы. Они могли бы посадить на трон заводную куклу. Уверен, кукла справится не хуже Мэй. Сестричка это чувствует, вот и дурит с тоски. Крутит любовь с человеческими мальчишками, чтобы почувствовать себя нужной.

Зеркало снова колыхнулось, и мне послышалось сердитое шипение. Я обернулась на мага, но тот даже ухом не повел. словно ничего не было.

Я даже ущипнула себя чуть повыше локтя. От щипка стало больно.

У меня опять галлюцинации?

– Ладно, пустое. Каждый развлекается как может, – он сел и поманил меня пальцем.

Я сглотнула. Подходить к нему после всех намеков?! Надо срочно отвлечь его чем-нибудь.

– Значит, вас зовут Элвин?

– Можешь звать меня так.

– Что такое испытание?

– Сказки про ши слышала? Это правило оттуда. Мэй обязана дать тебе задание и разрешить встречу с женихом, если ты сможешь его выполнить. Иди сюда, Элли.

Пришлось подойти. Он потянул меня за руку, заставил сесть рядом с ним на кровать. Я устала на бледный шрам на его плече. Еще один, более заметный, рассекал грудь наискось. И рядом несколько совсем тонких, как белые нити.

– Насмотрелась? – маг положил металлическую руку мне на талию, заставляя придвинуться.

В горле внезапно стало совсем сухо, и сердце заколотилось так, что даже в ушах отдавалось.

– Королева отпустит Саймона?

– Только если он сам захочет уйти. Вот и проверим, насколько убедительной ты умеешь быть.

Маг – мне пока даже в мыслях неудобно было звать его по имени – провел пальцем по моей нижней губе. Приятно, даже возбуждающе, но и противно одновременно.

Я шлюха. Шлюха не имеет права отказаться.

Если бы могла, я б сбежала. Прямо так, в одном полотенце.

Он коснулся губами мочки моего уха и прошептал еле слышно: «Подыграй мне».

– А? – я вздрогнула, отстранилась.

Подыграть в чем?

И тут он меня поцеловал. По-настоящему.

Первый поцелуй в моей жизни.

Я даже не поняла толком, понравилось ли мне. Слишком испугалась всего, что будет дальше. Зажмурилась и съежилась, никак не реагируя. А он мягко надавил на плечи, заставляя опуститься на кровать. Я лежала, молилась, чтобы все побыстрее закончилось, и сглатывала подступающие слезы.

– Элвин, милый, прости, что прерываю вашу идиллию, – голос королевы прозвучал прямо над ухом.

Маг чуть ослабил объятия, и я отпрянула, задыхаясь от стыда и обиды. Зачем она сюда пришла? Посмеяться?

Мэй в комнате не было, а голос шел от зеркала. Оно мерцало, по поверхности шли круги, как от брошенного в воду камня. И наши отражения то растекались, то съеживались.

– Вы такие голубочки, – тут королева мерзко хихикнула. – Но нам уже накрыли обед на Лазурной террасе, и я боюсь, что сидр выдохнется, а мясо остынет, пока вы будете кувыркаться.

Зеркало еще раз дрогнуло и застыло, обманчиво-твердое. В нем я увидела себя – полу-голую, в мокром полотенце с огромными испуганными глазами. И мага рядом. Тот совсем не выглядел удивленным, скорее довольным. Будто ждал чего-то подобного.

И вот тогда я все-таки разревелась.



## Глава 5. Испытание

### Элисон

Долго реветь маг мне не позволил. Заставил встать, снова оттащил в купальню и умыл. Он не кричал и не ругался, просто командовал так по-деловому, что не послушаться было невозможно.

После купальни он отвел меня в гардеробную комнату. Оказалось, здесь была гардеробная комната с множеством нарядов. Просто я не заметила двери потому, что она, как и стены, расписана деревьями.

Ох, сколько всяких платьев там висело! Одно другого красивее. А маг снял с вешалки самое простое, серое, со шнуровкой спереди. В самый раз для служанки.

Он что же, одевать меня собирается?!

– Элли, не дури, – сердито сказал Элвин, когда я вцепилась в полотенце и замотала головой. – У нас мало времени. Надо ловить момент, пока Мэй в правильном настроении.

– Вы знали, что она подглядывает?!

Он фыркнул:

– Конечно знал.

– Тогда зачем... – я замялась.

– Надо было, – он сжал мою руку. – Так, Элли. Во время обеда ты сидишь, жуешь и молчишь, глупых вопросов не задаешь. Если к тебе обращаются, опускаешь глазки и отвечаешь «Да, миледи» и «Нет, миледи». Поняла?

Я кивнула.

– Что бы ни происходило, что угодно, в разговор не лезешь. Повтори, если поняла.

– Я не лезу в разговор.

– Умничка. Давай я помогу тебе одеться.

Я снова вцепилась в полотенце:

– Я сама!

Элвин усмехнулся:

– Сама так сама. У тебя пять минут; если не уложишься, приду помогать.

\* \* \*

Небо было глубоким, синим, а море отливало в бирюзу. Негромкий шелест звал сбежать вниз по ступеням. Туда, где волны лизали покатые валуны.

Непонятно, отчего эту террасу называют Лазурной, если она отделана белым в серых прожилках мрамором.

Я понюхала бледно-золотистую жидкость в бокале – пахло яблоками. На вкус напиток был сладким, а язык и небо защекотали пузырьки, как у игристых вин.

Сестра колдуна сейчас выглядела еще лучше, чем утром. И платье у нее было еще роскошнее. Я в своем сером, служаночьем, рядом с ней смотрелась совсем никчемной.

Элвин и разговаривал с ней так, словно меня нет рядом – пустое место. А я, помня о своем обещании, молчала и скучала. Интересно, если я выскользну и спущусь к морю, кто-нибудь заметит?

Мэй наколола оливку крохотной двузубой вилкой и положила в рот. Потом покосилась на мага:

– Я прямо не узнаю своего братика. Возвращать какого-то олуха в лоно семьи по просьбе крестьянки! Чем тебя приворожила эта дурочка?

– Ее история была такой трогательной.

– Стареешь, – королева покачала изящной головкой, отчего маленькие золотые колокольчики в ее длинных серьгах мелодично зазвенели. – Стареешь, – повторила она с особым наслаждением, словно мысль о старости мага делала ее счастливее. – Раньше у девок не получалось дурить тебя.

– У них и сейчас не... Подожди! – он с подозрением покосился на Мэй. – Ты что-то знаешь?

Конечно знает! Она знает, кто Саймон и кто я на самом деле. Поэтому и сидит такая довольная, с видом победителя.

– «У них и сейчас не», – передразнила королева. – Ну что, Элвин, каково это – чувствовать себя идиотом?

– Думаю, тебе это ощущение знакомо не понаслышке. Говори, если есть что сказать.

Ой, мамочки, она ведь сейчас скажет! Никогда больше не буду лгать. Не зря патер учил, что ложь оскверняет уста и отравляет душу.

Нашарив бокал, я сделала большой глоток и закашлялась. Стало только хуже, потому что они оба на меня наконец посмотрели.

– Постучать? – спросил Элвин.

Я помотала головой и уткнулась в тарелку, раздирая мясо по волокнам. Ну хватит, отвернитесь! Сколько можно на меня смотреть? Зря я, что ли, в незаметном сером платье?!

Мэй отпилила ножом кусочек мяса в тарелке, положила в рот, прожевала, прикрыв глаза.

– Божественно! Попробуй вырезку, Элвин. Так умеют готовить только на Эмайн Аблах. Маг рассмеялся.

– Не можешь сообщить мне ничего нового, не так ли, дорогая сестрица?

– Могу.

– Тогда говори. Я весь внимание.

Королева раздраженно отставила столовые приборы:

– Сначала я так и хотела сделать. Но ты же Элвин-умник! Никогда не признаешь, что я в чем-то могу превзойти тебя. Честное слово, братец, ты заслуживаешь показательной порки.

– Тебе меня даже не шлепнуть.

– Ты так думаешь? – ее глаза гневно сузились, а ноздри раздулись. – Что же, давай пари, если не боишься!

– Не боюсь. Как обычно, на желание?

Я открыла рот, чтобы вмешаться. И тут же почувствовала, как маг довольно чувствительно пнул меня под столом.

Да, я помню, что обещала не лезть в разговор. Но он же не понимает...

– На желание. – Мэй щелкнула пальцами, и ее губы сложились в азартную улыбку.

Неслышно, словно из воздуха, возник слуга. На подносе у него были пачка бумаги, чернильница с перьями, конверты и сургуч.

Элвин и Мэй переглянулись. На их лицах, как в зеркалах, отражалась совершенно одинаковая злорадная улыбка.

Сразу видно, брат и сестра.

А я так и ничего не сказала. Молча смотрела, как они пишут что-то на листках бумаги, как присыпают написанное песком, как запечатывают конверты, скрепляя разогретый сургуч перстнями-печатками, и отдают конверты слуге.

Маг откинулся на спинку стула, отхлебнул яблочного вина. Вид у него был довольный.

## Элвин

В какой бы части Эмайн Аблах ты ни находился, запах яблок будет преследовать тебя. Сады здесь везде. Яблони цветущие, яблони с завязями, яблони с яблоками. Ветки клонятся под весом огромных спелых плодов величиной с голову ребенка.

– Пришли, – выдохнула Элли. – Вон она.

Эта нахалка стояла на нижней ветке одной из старейших яблонь, яблони-патриарха, и бессовестно обглаживала нежные цветочные завязи.

– Хейдрун! – громко возмутился я. – Какого гриска ты вытворяешь?! Тебе мало остального леса?

Коза покосилась на меня и очень по-человечьи фыркнула, но объедать дерево не прекратила.

Я неплохо умею управляться с животными, женщинами и вредными младшими сестрами. Но на Хейдрун мои умения не распространяются. С детства ненавижу эту тварь.

– И что делать? – растерянно спросила Элли.

Я раздраженно пожал плечами. При всей моей симпатии к девушке я не собирался решать за нее эту задачу.

Готов еще раз поспорить на желание, что Мэй изрядно повеселилась, назначая такое испытание.

– Не знаю. Тебе видней. Доить коз – женское занятие.

– А, – она сглотнула и неуклюже перехватила подойник. – Хорошо.

Что мне по-настоящему нравилось в этой девочке – она не сдавалась. Уверен, Элисон никогда в жизни не доила скотину, кто бы позволил графской дочери заниматься подобной работой? Но она не отступила. И не начала ныть. Одно это заслуживало симпатии.

Я следил за тем, как Элли медленно идет к козе, бормоча под нос ласковую бессмыслицу, и гадал, каким образом Мэй на этот раз подсматривает за нами. В то, что сестренка пропустит подобное развлечение, верилось слабо.

Хейдрун вскинула голову, украшенную золотыми рогами, и мемекнула. Не знаю, как у нее это получается, но в бляении явственно послышалась угроза.

– Козочка хорошая, козочка милая. Бяшка, бяшка... – повторяла Элли, приближаясь к козе маленькими шажками.

Хейдрун прервала обед и заинтересованно покосилась на девушку. Когда Элли осталось сделать всего пяток шагов, мерзкое животное издало звук, весьма похожий на конское ржание, прыгнуло с ветки и неторопливой лошадиной трусцой направилось в чащу леса.

– Стой! – выкрикнула Элли и пустилась в погоню.

Дальнейший спектакль я наблюдал из первого ряда, сидя на той самой ветке, которую Хейдрун так любезно освободила.

Спектакль состоял из двух периодически сменявшихся мизансцен: «Элли бежит за козой» и «Элли бежит от козы». Поначалу девчонка еще пыталась на бегу призвать Хейдрун к порядку, потом молчала, сберегая силы. А Хейдрун выныривала то тут, то там, мерзенько бляла и грозила острыми золотыми рогами. Элли каждый раз пугалась и визжала. Короче, всем было весело, включая меня.

Наконец девушка в бессилии плюхнулась на землю.

– Ненавижу эту козу! – простонала она.

– Я бы на твоём месте не говорил подобного вслух, – предупредил я. – Хейдрун фантастически злопамятна.

– Думаете, она понимает?

– Я абсолютно уверен, что она понимает человеческую речь лучше некоторых людей. А не говорит только для того, чтобы ее не заставили вести себя прилично.

Как бы подтверждая мои слова, Хейдрун остановилась в отдалении и заинтересованно повела ухом, словно прислушиваясь к разговору.

– Может, нарвать для нее завязей? – спросила Элли.

– Еще чего! За надругательство над садом Августы я лично надеру тебе уши. Не уподобляйся козе, даже ей такое поведение не всегда прощается.

– Что же делать?

– Побегай еще немного. Может, она разрешит подоить себя в благодарность за доставленное удовольствие.

– А вы не поможете?

– Я и так помогаю. Советами.

– Ну хотя бы подержите ее!

Я расхохотался:

– Как ты себе это представляешь? Я буду держать козу за рога, а ты доить?

Она очаровательно смущалась. На щеках и шее, под тонкой, молочно-белой кожей вспыхивал стыдливый румянец. Эффект, вкупе с виноватым взглядом и неуверенной улыбкой, получался совершенно убойный. Оставалось только удивляться, что малышка не догадывается о магнетической власти над мужчинами, которую дают ее дрожащие губы и широко распахнутые глаза.

Возможно, как раз в этом неведении и предельной искренности девушки и крылся секрет ее обаяния.

– Я думала... может, вы... магией?

– Магией, – я задумался. – Можно попробовать.

– О нет! – вскрикнула Элли несчастным голосом. – Она убегает.

Обернувшись, я успел увидеть только мелькнувший среди кустарника белый хвост. Не коза, а лесной олень какой-то!

– Все она понимает! – с тайным удовлетворением констатировал я. – Надо было соглашаться на то пари с Августой.

Девушка поникла, подойник в ее руке грустно звякнул.

– А как же...

– Не грусти. Найдем мы твою пропажу. От меня еще ни одна коза не уходила.

### *Элисон*

– Ничего себе, – выдохнула я, задирая голову к небесам.

Вся поляна, на которую мы вышли, была занята огромным механизмом.

Точнее, что это механизм, я поняла совсем не сразу. Сначала подумала: скала, просто очень странной формы. И только потом разглядела шестеренки в бронзовой прозелени, маховики, ручки и противовесы.

С первого взгляда понять назначение механизма было совершенно невозможно, тем более что часть его скрывалась под слоем мха. Лоза обвивала пружины, шкалы, цилиндры и циферблаты, а прямо на металле проросли кусты сорных трав.

Только как следует приглядевшись, я увидела гигантское бердо, челноки и веретена. Непостижимая машина походила на ткацкий станок. Самый огромный и удивительный ткацкий станок в мире.

На поляне стояла особая, безлюдная тишина, какая бывает у прогретых солнцем развалин. Несмотря на весь его грозный вид, механизм не показался мне опасным. Сейчас он был как пустая раковина рака-отшельника. Оболочка без сути.

– Аванпост, – задумчиво сказал Элвин. – Я и забыл, что он здесь. Столько лет прошло.

Во всех сказках о волшебном народе, что я читала или слышала в детстве, никогда не говорилось о подобных штуках. Где магия, а где ткацкие станки?

С десяток чернокрылых бабочек сорвались с нагретого на солнце металла и разлетелись в стороны, когда мы подошли к основанию диковинного механизма. Туда, где, чуть вынесенное вперед и вверх, на помосте возвышалось подобие бронзового трона.

Трон почти не пострадал от времени. Только металл покрылся патиной да на сидении лежал бледно-зеленый лишайник, похожий на выцветший коврик.

– Что это?

– Аванпост. Вставляешь недостающую деталь, – он кивнул на «трон» и сардонически улыбнулся, – и все начинает работать. Разумеется, при условии, что на другой чаше весов, находится мировое зло.

– Я не понимаю.

Элвин вздохнул:

– Его создали боги, Элли. Для защиты мира от Хаоса, для плетения нитей в полотне судьбы. Вот сюда, – похлопал по бронзовой поверхности, и та отозвалась неожиданно звонко и певуче, – предполагалось вставить Стражу, чья очередь нести дозор. Однако с Хаосом вышла накладка, так что игрушка не пригодилась. Думаю, еще пара сотен лет, и даже в местном благодатном климате от этой штуковины ничего не останется.

Я поняла из его рассказа только одно: что я ничего не поняла.

Боги? Он хочет сказать, что вот эту странную машину создали боги?! Но зачем богам машины? И кто такие стражи?

И что самое обидное – не похоже, чтобы Элвин издевался или специально пытался меня запутать. Просто он обращался больше не ко мне, а к себе самому.

В этот момент с другого конца поляны донеслось мемеканье, и я сразу вспомнила, зачем мы здесь и зачем у меня в руках подойник.

Коза выглядывала из-за молодого дубка. Я никогда не думала раньше, что козы умеют улыбаться, но она именно улыбалась. Еще глумливее, чем маг. И я поняла, что это не мы ее выслеживали, а она дала себя найти.

Элвин тоже услышал Хейдрун и обернулся.

– Ну что, откроем сезон охоты на коз? – спросил он, разминая пальцы. – Я могу поймать ее силовым лассо.

– Погоди. Я так попробую.

– Ты уже пробовала «так».

Тем не менее он пожал плечами и вмешиваться не стал.

А я пошла к козе медленно-медленно. И все время, пока шла, говорила с ней. Негромко. Рассказывала, как важно мне вернуть Саймона. И что королева позволит мне с ним поговорить, только если я смогу подоить Хейдрун. И что дома у меня маменька и две младшие сестры. И они тоже очень-очень ждут нашего возвращения.

Коза слушала. Ее смешные длинные уши шевелились, и как-то было видно, что она и правда все понимает.

А я продолжала рассказывать, как надеюсь, что уважаемая госпожа Хейдрун прислушается к моей просьбе и даст немного молока. А если ей потом захочется, я с ней побегаяю. Ей же, наверное, скучно тут одной...

Коза вышла из-за дубочка. Встала, косясь на меня. Она была красивая – совсем не вонючая и непохожая на деревенских коз. Очень чистая с длинной шелковистой шерстью и умной мордой. Мне даже неловко стало, что я раньше о ней так плохо отзывалась.

Это было как свист ветра над ухом. Негромкий, но противный. И в ту же минуту Хейдрун рухнула на траву и задержалась, безуспешно пытаясь вырваться из невидимой сети.

– Ну вот, сейчас завяжу узлы, и дои ее хоть весь день, – услышала я насмешливый голос. Маг приближался, на ходу сматывая в клубок невидимую нитку.

– Пусти ее немедленно!

– Не говори ерунды. Отпущу – потом не найдешь, – он подмигнул. – Ловко ты ее отвлекла.

Я аж задохнулась от возмущения. Так нельзя! Это же подлость какая-то! Хейдрун мне доверилась, а теперь получается, что я ее обманула.

– Я не отвлекала!

– Да какая разница? Или тебя мучает чувство вины перед козой?

Мне ужасно захотелось стукнуть колдуна, чтобы он убрался со своей непрошеной помощью.

Он подошел и встал совсем рядом.

– Думаешь, она позволила бы себя подоить просто так? Гриска с два.

Металлические пальцы на левой руке мага задвигались, словно завязывали узел.

Ну что за гадость?! Не хочу я в таком участвовать и не буду!

...Сама не знаю, что собиралась сделать. Наверное, просто схватить его за запястье. Но наши руки так и не встретились. Чуть раньше я наткнулась ладонью на что-то шевелящееся, упругое, горячее. И когда я сомкнула пальцы, это «упругое» лопнуло, обдав кожу почти нестерпимым жаром.

– Ты что творишь?! Совсем мозги потеряла – лезть под заклинание?! Как ты вообще это сделала?

Я не ответила, зачарованно глядя на свою руку. Кожа ладони еще немного горела, как бывает, когда стукнешь по чему-то твердому со всей силы.

Маг встряхнул меня за плечи:

– Элли, ты меня слышишь?!

И тут же вскрикнул, отскочил, запнулся ногой о корень и шлепнулся на траву, возмущенно потирая ногу.

Между нами, нацелив на мага острые рога, стояла коза.

Я честно не хотела смеяться.

Смех сам полез наружу, прорывался, как я его ни давила, вместе со всхлипами и невольными слезами. А я так старалась его удержать, что даже лицо заболело.

Очень уж смешно было наблюдать, как Элвин опасливо косился на мою бесстрашную заступницу. Встать он так и не решился.

Дурной пример заразителен. Маг посмотрел на меня и тоже засмеялся.

– Похоже, Хейдрун будет защищать тебя до последней капли моей крови.

– А вот не надо было ее обижать!

– Ага, ее обидишь. Страшнее козы зверя нет.

– И вовсе она не страшная. Просто тебя не любит, – сама не заметила, как перешла с колдуном на «ты». А он не стал поправлять. Словно так и надо.

– Это чувство взаимно. Дои ее, пока она не передумала.

### *Элвин*

Мэй походила на кошку, вылакавшую целое блюдо отменных сливок втайне от хозяина. По одной ее довольной улыбке становилось ясно, что она не только наблюдала за этим цирком, но и получила необычайное удовольствие от увиденного.

Интересно, как она это делает? Зеркал я там не заметил.

Она восседала в высоком кресле с резной спинкой. Я нарочно встал за ее спиной. Сестренку это здорово нервировало.

Запечатанные конверты лежали рядом на низеньком столике.

Я приготовился к пафосному представлению. Мэй была бы не Мэй, если бы не попыталась выжать все возможное из возникшей ситуации.

Ее можно понять. На Эмайн Аблах слишком мало развлечений.

– Ты успешно справились с заданием, девочка, и я выполню свое обещание, – по кивку Мэй слуга забрал у Элли подвойник, до краев полный тягучего, пахнущего медом молока. – Но не сетуй, если твой жених откажется идти с тобой.

Сестра щелкнула пальцами, и в зал в сопровождении двух ши почти влетел высокий рыжий парень.

– Моя королева, вы звали... – начал он и осекся, увидев Элли. На лице его отразился суеверный ужас. – Элисон?! О нет! Ты ведь мне снишься, правда?

– Саймон! – голос Элли дрожал от ярости.

Куда подевалась та стеснительная девочка, что краснела от любого моего намека или взгляда? Зашуганная мышка внезапно обернулась разъяренной тигрицей, и кто как, а я рыжему Саймону совершенно не завидовал.

– Как ты мог! Бросил меня, маму, сестер! Ты единственный мужчина в семье! Да как ты смеешь называть себя мужчиной?!

– Элисон, милая, о чем ты говоришь, – бормотал парень, отступая перед ее неудержимым напором.

– Я говорю о том, что ты забыл свой долг сына и брата, бросил семью в самый тяжелый, самый трудный момент! Я говорю о том, что ты немедленно отправишься со мной обратно и заявишь свои права на Гринберри Манор и наследство, пока дядя не отобрал у нас всё и не пустил по миру!

А, вот оно что! Недостающий элемент головоломки встал на место, объясняя поведение девушки.

Так и думал, что все дело в деньгах.

Мэй откинулась в своем кресле, расхохоталась и заплотировала.

– Браво! Браво, девочка! Ты так ловко обманула моего братца. Я горжусь тобой!

Элли остановилась, бросила виноватый взгляд в мою сторону:

– Простите... я не хотела врать. Я из дома сбежала. Переоделась, чтобы не нашли. А потом, когда вы ошиблись, подумала: хорошо, что так. Не будет сплетен...

Пока Элли сбивчиво оправдывалась, повернувшись ко мне, Саймон перевел дух, пугливо огляделся по сторонам и юркнул в ближайший коридор.

– Мне жаль, братик, но, видно, сегодня удача решила изменить тебе, – объявила Мэй, кинув в мою сторону короткий торжествующий взгляд. – А теперь... – как ни старалась сестренка сохранить торжественно-мрачный вид, ее губы неудержимо расплывались в широкой радостной улыбке. Она была так счастлива, что переиграла меня. Мне на секунду даже стало ее жаль. – Слушай мое желание, Элвин...

– Может, сначала конверт откроешь? – безразлично спросил я.

Улыбка пропала с ее лица, а брови сложились горестным домиком. Она схватила конверт, ломая ногти, сорвала сургучную печать, прочитала и отшвырнула в отчаянии:

– О нет!

– Мне жаль... да нет, что я несу? Мне совершенно не жаль. Леди Удача – верная девочка. Никаких адольтеров.

Мэй сгорбилась в кресле и совершенно по-детски разревелась.

Растерянно переводившая взгляд с меня на рыдающую сестричку Элли подошла к записке, подняла ее, разгладила и прочитала.

– Вы знали?! – возмущенно воскликнула она.

Я развел руками, признавая очевидное.

– С самого начала? – спросила она и густо залилась краской.

– Да почти с первых минут. Для того и устроил цирк с раздеванием. Извини, дорогая, ты крестьянок видела? Я даже не про руки сейчас, хотя на них надо смотреть в первую очередь. Я в целом. Обрати внимание как-нибудь, какие следы на человеке оставляет тяжелая работа в полях. А уж как ты доила несчастную козу, даже мне ее жалко стало. Тут бы и слепой догадался.

– Гадкий Элвин! – всхлипнула Мэй. – Все зло в мире от братьев!

– Похоже, Элисон полностью согласна с тобой в этом вопросе.

– Но как ты узнал... – начала Элли.

– Твое родовое имя? – закончил я за нее. – А ты меня не помнишь? Семь лет назад, похороны патера Вимано.

Она покачала головой.

– Мы не были представлены, но ты подошла познакомиться. Даже в двенадцать лет ты не слишком-то уважала правила приличия.

Очевидно, Элли усмотрела в моих словах какой-то намек, потому что покраснела еще гуще и опустила глаза.

– Вспомнила?

Она помотала головой.

– Неудивительно. Тогда мы недолго разговаривали. Надеюсь, в следующий раз ты меня узнаешь.

Элли была вежливой девочкой и не сказала вслух, что надеется больше никогда не встретить меня, но это желание читалось на ее лице.

– И передай своему приятелю Терри, что трюк с клятвой – гадкий прием.

У девушки задрожали губы, и мне стало совестно. Подшучивать над ней сейчас – все равно что бить калеку или ребенка. Ни удовольствия, ни интереса, да еще и чувствуешь себя последним мерзавцем.

Когда она часто-часто заморгала, я понял, что еще немного – и окажусь в одной комнате с двумя рыдающими женщинами. Даже с моим талантом портить всем настроение как-то чересчур. Поэтому я потряс сестренку за плечо.

– Чего тебе еще надо, Элвин? – прошипела она.

– Желание.

– А что, ты уже придумал?

– Похоже на то.

Я снова взглянул на Элли. Она из последних сил сдерживала слезы.

К грискам все! Почему девчонка должна страдать, если ее дружок – любитель нечестной игры?

– Хотя ты и хотела заставить меня подоить Хейдрун, я не буду отвечать тебе той же монетой, – начал я.

– Откуда ты это знаешь?! – возмущенно завопила Мэй. – Почему ты все время читаешь мои мысли?

– Ну, извини, – я подавил ухмылку. Было бы чего там читать. – Так вот: я не стану отвечать тебе той же монетой. Вместо этого я просто хочу, чтобы ты сегодня же вернула Саймона Майтлтона безутешным родственникам.

– Ах! – Элли вскинула голову, посмотрела – неверяще и изумленно. А потом одарила меня влюбленной улыбкой. – Спасибо, колдун!

Она шагнула вперед, словно собиралась броситься мне на шею, но тут же смутилась своего порыва. Остановилась и сделала церемонный книксен:

– От всей души благодарю вас за помощь, уважаемый сэр.

– Да ладно, мне это ничего не стоило.



Ох уж этот восторженный взгляд снизу вверх! Немногие мужчины способны устоять перед ним. Если однажды Элисон поймет силу оружия, которым ее одарила природа, и начнет пользоваться им сознательно, как любит делать Франческа, она разобьет не одно сердце.

Чтобы отвлечься, я снова похлопал Мэй по плечу:

– Так что насчет Саймона?

– Да забирай! – сестричка успокоилась, высморкалась и даже повеселела. – Он все равно мне уже надоел. Никогда больше не буду с тобой спорить.

– То же самое ты говорила и в прошлый раз.

– В этот раз – всё! Совсем и навсегда, – она провела рукой перед собой, и мгновенно все следы слез исчезли с ее лица. Косметическая магия, как и любые другие иллюзии, – конек Мэй.

– Откроешь нам путь через холмы?

– Вы разве не останетесь к ужину?

Я посмотрел на Элли, она едва заметно покачала головой.

– Пожалуй, нет. Мы покинем тебя прямо сейчас. Прости, что испортил развлечение.

Мэй вздохнула:

– Да ладно. Ты всегда ломал мои игрушки. Но я все равно была рада видеть тебя, Элвин.

### *Элисон*

Идти в черное нутро холма было все равно что прыгать в ночную пропасть. Я зажмурилась, вцепилась в ладонь Элвина и шагнула...

И правда – похоже на падение. Очень короткое, но страшное, когда все внутри обрывается и слабость ползет по телу противной трясучкой.

Металлическая рука встряхнула меня за плечо:

– Просыпайся, Элли. Приехали.

Я открыла глаза.

Мы стояли у подножия холма. Отсюда до Гринберри Манор меньше мили по широкой наезженной дороге.

Я не думала, что нас перенесет так близко к дому. Ждала, что вернемся в башню колдуна. Сначала обрадовалась, а потом вспомнила, что кольцо с Терри так и осталось в развалинах.

– О, знакомые места, это же кладбище, правильно? – только тут я осознала, что Элвин тоже последовал за нами в Сэнтшим. Зачем?

Ах да! Оплата!

От этой мысли жаром обожгло щеки, а в животе тоскливо засосало.

Это что же, он будет требовать оплату прямо сейчас?

Нет, Элвин совсем не был мне противен. Даже нравился. И я уже знала, что он добрый, наверное, с ним даже будет хорошо. Если бы он меня соблазнил, я бы соблазнилась с радостью. А так... как-то грязно получалось.

Ладно бы мы вернулись в его башню. Там все было бы как во сне или сказке. Не настоящему.

Возле родного дома, когда рядом люди, которые знают тебя с детства и считают приличной женщиной, становиться шлюхой особенно уничительно.

А вдруг слухи пойдут? Тогда Фанни и Китти никогда не смогут составить хорошую партию.

Маг оглянулся:

– Ну, время прощаться. Думаю, отсюда вы и сами доберетесь.

– Конечно, доберемся. А... – я замолчала. Я бы скорее себе язык отрезала, чем сказала вслух про наш договор. Тем более когда рядом Саймон.

Брат молчал, надувшись. Он вообще со мной не разговаривал с тех пор, как его привели по приказу королевы. Обиделся.

Вот и сейчас отвернулся, делая вид, что меня не существует. Ну и ладно, главное, я его вернула.

– Забудь. Ты мне ничего не должна, – показалось, в голосе мага прозвучало сожаление. – Это была шутка. У меня злое чувство юмора.

Как не камень, а целый домище с плеч свалился. Стало вдруг легко-легко, я даже покачнулась от этой легкости. Элвин подхватил меня под руку, я уткнулась ему в плечо и заплакала.

Не знаю почему. Радоваться же надо! Да я и радовалась, но к радости примешивался странный привкус разочарования. И сил вдруг не осталось ни на что. Как бывает, когда много дней ходишь, накручиваешь себя, уговариваешь сделать что-то невозможное, собираешься. А потом вдруг все отменяется.

Он погладил меня по волосам.

– Чш-ш-ш... Не при Саймоне же!

– Глаза бы мои на нее не глядели, – услышала я голос брата. – Все зло в этом мире – от сестер.

Гад он все-таки! Сбежал, оставил нас всех, а теперь еще и жалуется.

Я не стала этого говорить. Только вцепилась в мага и заплакала еще горше. Уже от обиды.

– Знаешь, я терпеть не могу утешать плачущих женщин, – хмыкнул он над ухом. И снова погладил меня по голове.

– Во-во! Всегда они так. То пилят, то ноют. Пусть тебя по ночам мучает совесть за то, что ты сделал, колдун.

Это же неправда!

Я аж задохнулась от несправедливости его слов! Что за гадство?! Когда я его пилила? Получается, мы же и виноваты, что он сбежал и бросил нас?!

...ну да – маменька постоянно нудит и все делает по-своему. Но она же так со всеми. Хотя... с Саймоном чаще, да. Так ведь он мужчина и наследник. Вот маменька и помогает ему принять правильные решения...

...и да – Китти постоянно капризничает и требует, чтобы он ей что-нибудь купил или сказал, что думает про новую шляпку. Но это потому что она любит мужское внимание...

...а Фанни просто строгая и требовательная. Я тоже, бывает, от ее поучений устаю. Тяжело с человеком, который всегда знает, как правильно, и указывает на недостатки. Но она же все правильно говорит...

...а я...

– И что? Ты мужчина или мальчик? – в голосе Элвина под насмешливой интонацией крылась злость. – Сбежал, чтобы найти себе добрую мамочку, которая не будет обижать и вытрет сопельки? Это твои женщины, ты за них отвечаешь, вот и разберись с ними.

– У меня мать и три сестры! Ты не знаешь, на что это похоже!

– Немного представляю. В общих чертах. У меня шесть сестер и жена.

– О... соболезнаю, – выдавил брат. И замолчал.

– Сравнить, конечно, нельзя, с сестрами у нас нежная любовь на расстоянии. Но будь я проклят, если позволю женщине указывать, что мне делать.

Слушая их разговор, я как-то незаметно для себя успокоилась. Перестала всхлипывать и цепляться за мага. В памяти крутились все события последних месяцев. И я все больше понимала, что брат прав: затюкали мы его. Жалобами, обидами, требованиями.

Нам всем было страшно после смерти папеньки, вот мы и искали утешения. Кто бы мог подумать, что брат от этого так измучился, что готов сбежать куда угодно?!

– Истерика окончена? – Элвин мягко отстранился и протянул мне носовой платок. – Тогда я пойду.

– Пойдешь?! – я вдруг испугалась, что мы расстанемся, и я его больше не увижу.  
– Ну да. Терпеть не могу долгих прощаний. Удачи тебе, девочка. Постарайся забыть все, как страшный сон.  
Я от этих слов чуть снова не разревелась. Зажмурилась и выпалила:  
– Я никогда тебя не забуду!  
– Брось! Я – совсем не то, что тебе нужно, – он подтолкнул меня к брату. – Давай, иди! Твоя мать и сестры, наверное, сходят с ума, гадая, куда ты подевалась.

\* \* \*

Пока Элвин не скрылся за поворотом дороги, я смотрела ему вслед.  
Он ушел пешком, как обычный человек. А я ждала, что свистнет, и прибежит его конь. Или еще лучше – отрастит крылья и улетит. Не повезло.  
Мы с Саймоном переминались у подножия холма и обиженно косились друг на друга. Никто не решался первым заговорить или предложить пойти домой.  
Мне не хотелось домой! Дома маменька, много ругани, охов, стонов. И Блудсворд.  
Я бы вернулась туда, в невозможный сказочный мир. Туда, где мокрый камень реальнее самой реальности и кобальт туч гуляет по ультрамариновому небу, роняя жемчуга в грязь. Где полированный древесный монстр оплетает тело старой башни и ветер поет, подобно окарине. Кажется, где-то там мой дом...  
Я часто думаю глупости. Мой дом – Гринберри Манор. В безопасности, рядом с маменькой, сестрами и братом. Я плохо приспособлена и к нормальному миру, но здесь самое большое расстройство – не получить приглашение на ежегодный бал.  
– Вот ведь родственники! – эхом на мои мысли отозвался брат. – Один раз в жизни повезло в сказку попасть – и там достали.  
– Мне тоже хочется другой жизни. Очень часто. Но как без нас мама, Китти и Фанни? Мы постояли, а потом до брата дошло спросить:  
– А чего ты так вырядилась?  
– Я из дома сбежала.  
– Да ну? И мне еще будешь про долг перед семьей рассказывать?!  
– Буду, – тут я рассердилась. – Я же, чтобы тебя найти, сбежала! Ты хоть знаешь, что меня собираются за Блудсворда выдать? Из-за тебя!  
Он тоже рассердился:  
– А я тут при чем? За Блудсворда? И правильно! Он тебя научит вести себя прилично.  
– Да, он тоже про это говорил. Обещал показать, что такое боль.  
Саймон помрачнел:  
– Так и сказал, да? Вот сволочь!  
Мой брат может иногда казаться глуповатым. Но у него доброе сердце. И он – один из немногих, кто действительно слышит меня.  
– Не хочу домой, – с тоской сказал он. – Я любовь всей своей жизни встретил, а ты...  
– Хороша любовь! Образина болотная. Что ты в ней нашел?  
– Ты маленькая еще. Подрастешь – поймешь.  
Я старше Саймона на год, но такое чувство, что он все время об этом забывает. Это потому, что он наследник.  
– Надо идти, – сказала я. И не тронулась с места.  
– Надо, – он вздохнул.  
А потом мы сели на бревнышко. Отдохнуть. Ненадолго.

\* \* \*

Отметину я нашла, когда переодевалась.

Шрам цвета спекшейся крови, чуть выпуклый на ощупь. Он рассекал грудь напротив сердца ровной чертой. Вторая черта, покороче, шла наискось. Перекошенный крест.

– И вот к чему это опять, а? – возмущенно спросила я в пространство.

Никто не ответил.

## Глава 6. Суд

### *Элисон*

Все было напрасно, потому что мы проиграли тяжбу.

Бывший священник, которого приволок дядя Грегори, поклялся в суде, что был лишен сана, когда проводил свадебный обряд над моими родителями. И мать разом из почтенной вдовы превратилась в стареющую содержанку, а мы все – в горстку бастардов.

Как будто этого было мало, дядя – великий мастер пачкать все, к чему притрагивается, – изящно намекнул в своей речи, что я – вообще не дочь своего отца. Мол, и внешне непохожа, и разум мой блуждает в тумане, а у Майтлтонов всегда было отменное душевное здоровье, да и мало ли с кем могла крутить шашни актриска из разеннского бродячего театра до того, как ей посчастливилось подцепить стареющего аристократа?

Он давно распускает мерзкие слухи. Я не знаю, как противостоять им, поэтому пытаюсь делать вид, что выше подобных гадостей. Дядя – искусник мешать правду с ложью и делать скользкие намеки. Я и правда пошла в мать. Но насчет «отменного душевного здоровья» Майтлтонов ему стоило бы помолчать. Как раз мой недуг убеждает меня, что я дочь своего отца, верней любого сходства. Грешно говорить так про своего родителя, но последние годы жизни папенька представлял собой жалкое зрелище. Трусливый, издерганный, нервный старик.

Он был уверен, что все вокруг, особенно близкие люди, желают его смерти. Требовал, чтобы мы пробовали еду вперед него. Ходил по стеночке, постоянно оглядываясь. И не дай боги кому случалось приблизиться к нему сзади так, чтобы он не услышал. Полдня скандалил.

Мы скрывали, как могли. Боялись, что пойдут слухи и дядя Грегори попробует оформить опеку. К тому же оставалась надежда, что папа все же напишет завещание, а слухи о душевном нездоровье давали дяде возможность оспорить волю отца в суде. Но папа был убежден: стоит ему поставить подпись, как дни его будут сочтены безвозвратно. Я бы обиделась на него за такую подозрительность, но слишком хорошо знаю, каково это – быть во власти видений и кошмаров.

Папиной паранойей дядя тоже воспользовался в своей речи.

– Кончина моего брата была внезапным и тяжелым ударом. Он был еще молод и полон сил, пятьдесят семь – не возраст для мужчины. Тем более что Майтлтоны всегда отличались долголетием. Бедный Генри как будто чувствовал приближение смерти. Когда мы виделись последний раз, он был подавлен, словно знал о скорой гибели, – тут дядя сделал театральную паузу. – Он боялся за свою жизнь. До сих пор виню себя, что не придавал тогда особого значения этим опасениям.

Последние слова он произнес, не отрывая взгляда от моей матери. Чтобы уже всем в зале стало ясно, кого на самом деле винит дядя Грегори.

Все сидели и слушали, словно так и надо. Я знаю, что в таких ситуациях надо бы молчать, но все равно не выдержала, вскочила:

– Что за грязные намеки, дядя?! Или приведите доказательства, или прекратите порочить наше имя!

В итоге меня выставили из зала.

Уходя, я затылком чувствовала внимательный, нехороший взгляд Блудсворда.

\* \* \*

Прочее было позже. Несчастливая и как-то сразу постаревшая мать в объятиях растерянного Саймона. Испуганные сестры. Преувеличенно вежливый поклон Блудсворда и тихий шепот: «Мое предложение все еще в силе, Элисон». Безобразная сцена с дядей.

– Я вас презираю.

– Элисон, не надо!

– Отстань, Фанни. Я все ему выскажу!

– Какой пыл, какой темперамент. И какое прискорбное незнание правил приличия. Кто занимался вашим воспитанием, кукушонок Элисон? Вас ведь не просто так все детство держали в Роузхиллс, подальше от остальной семьи?

У него какое-то сверхъестественное чутье, куда уколоть в нужный момент. А может, дело в том, что я – одна сплошная мишень для чужих стрел.

От негодования я не сразу нашла нужные слова. Сначала запнулась и долго молчала, как будто он прав.

– Мое детство вас не касается. И не отменяет того факта, что вы трус, который не рискует повторить обвинение в суде, чтобы не пришлось отвечать.

Он не обиделся, даже наоборот, как будто обрадовался:

– Нет, я не трус. Я разумный человек, у которого нет доказательств. Только немного фактов и много неудобных вопросов. Я двадцать лет ждал этого момента. С того дня, как бедный Генри привез из поездки на воды актрису в тягости и представил своей женой. И почему никто не умеет считать, кукушонок Элисон? Вы вправду верите, что родились недоношенной? И, конечно, совершенно случайно не похожей на вашего отца. Как удобно.

Иногда думаю: сколь велика заслуга дяди в том, что папа стал таким, каким стал? Как долго этот человек расточал яд своих речей, отравляя доверие в нашей семье? И сколь велика вина папы, что он слушал брата там, где должен был приказывать ему замолчать?

\* \* \*

Я вернулась в свою комнату. Уже не свою. Конечно, мы направим апелляцию королю. Будем бороться. Но чем все кончится, ясно даже мне.

– Терри.

Молчание. Кольцо осталось в Рондомиионе, у башни мага. Так и не успела забрать до суда. Маменька запретила из-за побега выходить даже из комнаты.

– Терри, как ты мне сейчас нужен!

Терранса рядом не было, и я пошла к Саймону.

Брат сидел на кровати. Сгорбленный, растерянный, как-то резко повзрослевший. У него такие нескладные длинные руки с крупными ладонями. И рыжее золото волос, совсем как у меня. Как когда-то были у мамы.

– Саймон, ты ведь не веришь, что бред, который наговорил дядя, – правда?

Он поднял голову:

– Конечно нет, Элисон. Он тебя нарочно злит.

– Спасибо, – я села рядом, обняла его, уткнулась в плечо. – И что теперь с нами будет?

– Не знаю. Наверное, мне надо найти работу. Поеду в Рондомион. Может, получится устроиться на военную или государственную службу. Хорошо, что ты вытащила меня от ши, сестренка. Не знаю, как бы вы тут без меня.

– Ох... – я так растрогалась, что заплакала. У меня глаза на мокром месте, плачу от любой ерунды. Обняла братика, прижалась к нему крепко-крепко. Какой же он все-таки худющий!

Одни кости! – Саймон, поклянись! Если тебе покажется, что я, мама или сестры тебя пилим или ноём... скажи мне об этом немедленно. И я тогда... ух, что я тогда устрою!

Он тихонько засмеялся, а потом сказал с тоской:

– Если бы папа оставил завещание...

И тут на меня накатило...

– *Последняя подпись – вот здесь, граф. Вы уверены, что не хотите оформить бумаги по стандартной процедуре?*

– *Нет. Спрячьте его! Видят боги, я люблю своих детей. Даже Элисон, хотя, кажется, Грегори прав и она – кукушонки. Не знаю, за что они меня так ненавидят. Я был хорошим отцом, Томас. Я не заслужил этого!*

– *Конечно, граф.*

– *И я останусь хорошим отцом. Выполню свой долг перед семьей. Спрячьте его, Томас! Хорошо спрячьте и не доставайте, пока не услышите о моей смерти!*

– *Хорошо, граф.*

– *Куда? Куда вы его кладете? Разве это надежный тайник?*

– *Это шкатулка-головоломка. Ее невозможно открыть, если не знать ключа. В ней я храню самые ценные бумаги.*

– *Ее слишком легко украсть!*

– *Не волнуйтесь, шкатулка хранится в тайнике в моем кабинете. О его существовании и тем более расположении не знает никто, кроме меня. И теперь вас.*

– *Я не доверяю вам, Томас. Никому нельзя доверять. Видят боги, у меня просто нет выбора. Поклянись, что выполните наш уговор!*

– *Клянусь.*

– *Я часто был скверным человеком, Бакерсон, и конец мой близок. Но я не уйду, не наведу порядок в делах. Страшись: если ты солгал, мой дух будет преследовать тебя, пока не утащит в ад.*

Мои приступы падучей совсем непохожи на обычные. И не только потому, что сопровождаются галлюцинациями.

Пока мое тело безжизненно лежит или корчится в судороге, а губы шепчут бессвязный бред, душа полностью отдана во власть фантомов.

Они правдивы и жестоки. Никогда не бывают бессмысленны, хоть зачастую отвратительны и сложны для толкований. Я не знаю, благодать это или кара. Возможно, любой дар в чем-то проклятье.

В этот раз видение было на удивление четким и ясным. Не оставляющим места сомнениям или иным толкованиям.

– Саймон, – первым, что я увидела, открыв глаза, было встревоженное лицо брата, – можно мне с тобой в Рондомион?

### **Франческа**

– ...Еще я хочу обратиться к истории клана Детей Темных Вод. А именно к легенде о Рори Отступнике. Надеюсь, всем здесь присутствующим известно, благодаря чему Рори получил свое прозвище?

Я прерываюсь, чтобы сделать глоток и обвести взглядом лица присутствующих. Случайный взор на эти высокомерные гримасы способен уничтожить даже тень надежды на благополучный исход слушанья. Кажется, единственное чувство, которое вызывает в фэйри моя речь, – скука. Кажется, они все уже решили, заранее и окончательно...

Но стоит присмотреться...

Князь Дунадда – невысокий, сухопарый, с белой косой до пояса – слишком уж старательно зевает во время всей моей речи. Напоказ, почти не прикрыв ладонью рот.

Княгиня Фальсингофа – грузная великанша с грубоватыми чертами лица, живой пример того, как лгут людские сказки, утверждающие, что все фэйри изящны и хороши собой, – только изображает сонную дремоту. Ее истинный интерес к моим словам выдает резко вздрогнувшее ухо.

Тан клана Звездных стрелков – внешне почти мальчишка с темной шапкой кудрей и тревожными темными глазами – выглядит полностью поглощенным изучением древесных прожилок на столешнице. Но временами он, забывшись, стискивает кулаки.

Лицо княгини Исы непроницаемо – фарфоровая кукла и та более выразительна. И все же мне чудится в царственном изгибе ее губ одобрительная усмешка.

Князья, княгини, таны кланов и главы династий. Почти два десятка самых уважаемых правителей. И каждый прячет под равнодушной маской... что?

Возмущение. Ярость. Интерес.

На их глазах я оскверняю святая святых фэйри. Лезу, неумытая человечка, в тысячелетнюю историю родов фэйри.

Историю, пусть далеко не такую кровавую и страшную, как у человеческих племен, но и не безоблачную. И святотатство мое усугубляется тем, что фэйри не склонны врать себе или своим потомкам о делах давно минувших дней. К услугам желающего нырнуть в воды времени будут не только героические баллады менестрелей, но и правдивые отзывы участников, аналитика потомков и даже свидетельства доживших очевидцев.

Сами фэйри подчас не представляют, как много странностей прячется в их истории. В этом отношении они похожи на людей: предпочитают героические баллады скучным хроникам.

А я не зря правдами и неправдами добилась у княгини доступа в хранилище и потом месяцами глотала архивную пыль.

Помню, как княгиня Иса приподняла в притворном удивлении тонкие брови, когда я пришла к ней с просьбой собрать правителей для слушанья дела Ламберта.

– Хочешь растоптать нашу гордость, девочка? Уничтожить все, во что мы верим?

– Истинную гордость невозможно растоптать подобным образом, – возразила я. – Неужели единственное, во что верят фэйри, – свое превосходство над людьми и полукровками?

Когда она рассмеялась и согласилась созвать Малый совет, я почти не удивилась.

Княгиня любит испытывать чужие души. Или «испытывать» не совсем справедливое слово?

Вернее будет «пытать».

Эта женщина – аристократичная, блистательная, выдержанная в каждом жесте и взгляде – была и есть для меня загадка. Бывшая любовница моего мужа, мой добрый гений и мое проклятье. Каждый раз, когда вижу ее беседующей с Элвином, мне хочется, наплевав на приличия и гордость, подкрасться и подслушать. И, должно быть, она догадывается о моих чувствах, потому что не устает меня дразнить. Моему мужчине всегда достается чуть более ласковая, чем всем прочим, призывная улыбка, а иногда и прикосновения...

В такие минуты я представляю, как превращаюсь в кошку, чтобы расцарапать ее совершенное личико.

Хорошо, что Элвин тоже понимает цену нежным взглядам княгини и держится с ней подчеркнуто холодно и вежливо.

– Не ведись, – как-то сказал он, когда мы возвращались с приема, на котором княгиня весь вечер не отпускала его от себя. – Иса развлекается, не играй в ее игры.

Он прав.



Я знаю, что многим обязана княгине. Даже жизнью. Это знание добавляет в мою смесь ненависти и восхищения странную нотку. Я дорого дала бы, чтобы выплатить свой долг, но Иса не спешит требовать его обратно.

Должно быть, княгине нравится, что я зависима от нее.

И сейчас, когда я всматриваюсь в лица фэйри, мне снова чудится тень одобрителной усмешки на лице изысканной правительницы Рондомиона. «Давай, девочка. Удиви меня», – словно говорит мне Иса. И я отвечаю ей прямым и дерзким взглядом.

Удивлю, Ваше Высочество. Вы хотели развлечения? Вы его получите.

В огромном зале сумрачно и пусто. Тяжелые портьеры скрадывают и без того скудный свет зимнего солнца. Блики свечей играют на полированной столешнице – настолько огромной, что на ней можно было бы станцевать вальс.

Традиция. Совет фэйри заседает при свечах.

Стол слишком велик для жалких трех десятков сиятельных фэйри. За ним с легкостью уместилось бы и несколько сотен. Но стол – тоже традиция. Все присутствующие равны друг перед другом. Место судьи во главе – лишь признание его авторитета, дань уважения...

Я бросаю короткий взгляд в его сторону. Князь Церы бесстрастен. Худой, жилистый, с орлиным носом, лысым черепом и подрагивающей кожаной пленкой, прикрывающей третий глаз на лбу, он сегодня воплощенное правосудие.

Идет пятый день Малого совета.

Нет, напускное безразличие князей и танов не обманет меня. В зале повисло грозное напряжение, предчувствие беды, ожидание первого рокошующего удара.

Ленивые, внешне равнодушные взгляды перебегают с меня на Ламберта, который сидит рядом. И снова возвращаются к фэйри во главе стола.

Марций Севрус.

Хранитель Закона. Самый авторитетный судья в мире волшебного народа. Его решение не посмеют оспорить, каким бы оно ни было.

Но я не поэтому сделала все возможное и невозможное, чтобы призвать известного своей нелюбовью к людям и полукровкам князя судьей на наш процесс.

Не только поэтому...

– Так вот, Рори Отступник, – продолжаю я, и регент Хансинора Стормур фрой Трудгельмир стискивает зубы в безмолвной ярости. По его лицу видно, что, в отличие от прочих присутствующих, брат княгини Исы помнит историю клана Детей Темных Вод. – Рори так сильно ненавидел своего отца, что объявил своим истинным отцом по крови и духу второго мужа своей матери – Джека Эверфорда. Баронета Эверфорда, – я делаю ударение на последних словах, чтобы подчеркнуть: приемный отец был человеком. – Рори смешал с ним кровь и отрекся от крови и клана отца почти за двести лет до того, как стал таном Детей Темных Вод. Это не помешало ему...

– Невозможно сравнивать! – не выдерживает Стормур. – Рори родился чистокровным фэйри с Предназначением правителя!

Я ждала подобного. Даже надеялась, что один из присутствующих захочет оспорить мои слова.

– Узы крови сильнее уз родства, – цитирую я один из параграфов, и хранитель закона одобрително опускает тяжелые веки. – После смешивания крови с баронетом Эверфордом Рори стал монгрелом.

Еще один сложный, спорный случай в тысячелетней истории отношений человеческого и волшебного народов. Один из десятка, которые я рассмотрела раньше, подводя несокрушимое основание под необходимость признать Ламберта таном.

Невкусно, но правителям придется проглотить это.

Регент откидывается на спинку кресла, чтобы наградить меня взглядом, полным тяжелой ненависти.

Мне и раньше приходилось сталкиваться с уродливым высокомерием фэйри по отношению к «смертным», но никогда я не ощущала его так болезненно и ярко. Каждой жилочкой, даже кожей. Словно мы с Ламбертом разбудили дракона, дремавшего в душе почти каждого сиятельного фэйри.

Единогласное решение, что уже вынесли правители в своих мыслях, гласит: грязным людишкам и их отродьям нечего делать у кормила власти. Они не могут отвечать за фэйри. И сколько бы обратных примеров я ни приводила, как ни убеждала в компетентности и знаниях Ламберта, как ни уважали его сородичи, правители не станут слушать.

К счастью, у нас есть еще Марций Севрус.

– Князь Церы? – изумился Ламберт, когда я предложила ему свой план. – Но почему? Он презирает полукровок ничуть не меньше, чем людей.

– Он служит закону.

– Все судьи служат закону.

– Не так. Закон – его смысл жизни.

Мы поймали его, надменного князя Церы. Поймали в ловушку, столкнули в его душе две веры. Две правды. Веру в превосходство фэйри над людьми. И веру в абсолют закона.

Я знаю, что возьмет вверх.

Закон – бог князя Марция, его суть и стержень. Он не сможет судить несправедно, а значит, дело лишь за моим мастерством юриста.

И прочие правители, наблюдая, как я медленно, но уверенно возвожу башню из несокрушимых доводов и аргументов, осознают это всё лучше.

Оттого они и полны бессильного гнева.

– Почему мы ее слушаем? – пронзительным и сварливым голосом спрашивает Стормур. – Кто она вообще такая?! Рабыня, человечка в ошейнике...

Я киваю, скромно опустив глаза. К этому вопросу я тоже была готова.

– Я – Голос лорда-Стража...

– Подстилка, – подсказывает он.

– Голос, – поправляю я, словно не заметив оскорбления. – Здесь и сейчас я лишь тень лорда Элвина, который пожелал оказать помощь и покровительство Ламберту леди Фианна-майлу в ответ на последующую дружбу фэйри Гэльских холмов.

Мой голос негромок и спокоен, ни тени возмущения или ликования на лице. Я профессиональна и бесстрашна.

Рука Ламберта под столом сжимает мою руку в жесте безмолвной поддержки, и я возвращаю ему рукопожатие.

Мы победим!

Почти победили...

### *Элисон*

Как оказалось, наша гостиница находилась всего в одном квартале от дома Томаса Бакерсона. Так что я не стала терять время – сразу пошла наносить визит стряпчему, с утра. Я бы еще вечером к нему побежала, но было поздно. Неприлично.

Он оказался точно таким же, как в моей галлюцинации. Высоким, полноватым, с приятным лицом и залысинами. Я так обрадовалась этому подтверждению правдивости своих видений, что заранее почувствовала к Бакерсону расположение. Вроде и знаю, что делаю все правильно, но так трудно доверять себе, если все вокруг считают тебя полоумной.

Он выслушал мои сбивчивые вопросы и удивленно поднял брови:

– Откуда у вас такая информация, мисс Майтлтон?

– Ну-у-у... от отца!

Я до последнего надеялась, что он просто не слышал о смерти папы. Конечно, все слышали, наша тяжба с дядей – главный скандал последних трех месяцев. Но вдруг до Бакерсона слухи не дошли. И поэтому он с нами не связался.

– Вы уверены в этом? Он оставлял какие-то записи? Говорил прилюдно о завещании?

– Нет.

Показалось, на лице стряпчего мелькнуло облегчение.

– Простите, мисс Майтлтон. Должно быть, вы не так поняли вашего родителя. Мы действительно были знакомы с графом, но он никогда не предлагал мне выступить душеприказчиком. – Он помолчал, потом добавил: – Я очень сочувствую горю, постигшему вашу семью.

Земля под ногами зашаталась. Мой самый страшный страх – оказаться безумицей во власти бреда. В тщетной надежде я вглядывалась в честное лицо Бакерсона, ища на нем подтверждение своей правоты. И не находила. Он сидел рядом, весь сочувствие и вежливый интерес, за которым прячется скука.

– Но как же так... не может быть! Я точно знаю... Он говорил. Про шкатулку-головоломку. Которую вы спрятали в тайник. Вот в этом кабинете!

Шкатулку я особенно хорошо разглядела. Из темного дерева, инкрустация белым камнем и вся расписана странными символами, как на моем кольце с Терри. Встречу – ни с чем не спутаю.

Стряпчий развел руками:

– Шкатулки, головоломки, тайники... Леди, я вас уверяю – обычные дела о наследстве совершенно лишены подобной романтики. – Он подался вперед и перешел на доверительный шепот: – Простите, мисс Элисон. Вы ведь старшая среди детей графа? Это не у вас ли иногда бывают припадки?

– Вы так вежливо спрашиваете, не безумна ли я? Нет, не безумна! – Я не вполне была уверена в своем ответе, но прозвучал он вроде бы твердо. – Похоже, я действительно не так поняла своего отца. Извините, что отняла время.

– О, вы нисколько не помешали. Поверьте, я был бы счастлив помочь вашей семье.

Я соблюла приличия. Попрощалась, выслушала заверения приязни и уважения, выразила ответные. Маменька могла бы мной гордиться.

\* \* \*

Силы оставили меня на улице, прямо у дома Бакерсона. Я сделала несколько шагов вдоль ограды и поняла, что все, не могу больше. Еще немного – и сяду прямо на мостовую, как нищенка.

Я столько сил приложила, чтобы попасть сюда. Обманула мать, сестер. Поскандалила, как никогда в жизни. Я вообще плохо умею ругаться и продавливать свое мнение. А тут ничего: припекло, и смогла.

И все зря.

Стыдно будет взглянуть в глаза Саймону. Ему я сказала правду. После того как мы вернулись от ши, отношение брата ко мне сильно поменялось. У нас появилась маленькая тайна на двоих. И рядом не было Терри, а мне так хотелось хоть кому-то рассказать про завещание.

Брат мне не поверил. Ничего не сказал, но было видно: не верит. Просто решил, что проще взять меня с собой, чем спорить. И как теперь я скажу ему, что он был прав? Как я вообще могу доверять себе? Если это видение было бредом, не бред ли Терри? Моя встреча с колдуном? Путешествие к ши?

– Не могу так, – прошептала я и уткнулась носом в раскидистый дуб, подпиравший ограду с внешней стороны. Дерево было шершавым на ощупь и пахло сырой корой.

Так мы и стояли, в обнимку. Видел бы меня кто из знакомых – не избежать слухов. Полоумная Элисон Майтлтон опять чудачит. С деревом обнимается и разговаривает.

– Может, мне и вправду выйти замуж за Блудсворда? Может, он меня любит, а тот разговор пригрезился?

А может, это все – бред, и я давно в Батлеме, лежу, привязанная к кровати?

– Мэри! Мэри! – сначала я даже не поняла, что голос Бакерсона доносится из-за ограды. – О, Мэри! Вот ты где!

– Я сметала снег с дорожек. Вы что-то хотели, господин?

– Да. Мэри, если будут приходить и расспрашивать про шкатулку – ну, ту самую, которая пропала, – то ты ничего не слышала, не знаешь и подобной вещи у нас никогда не было! Поняла?

– Что же мне, и стражникам лгать, если спросят?

– Эти бездельники давно забыли про нее, Мэри, – голос стряпчего дрожал от вполне искреннего негодования. – Они никогда не найдут взломщика. Кучка дураков, дармоедов и пьяниц! А мне надо спасти репутацию!

Я медленно отпустила дерево. Кулаки сами собой сжались. В душе закипала ярость. Хорошая такая, настоящая.

– Подлец, ах какой подлец, – возмущение было настолько сильным, что я продолжила вслух, словно рядом был Терри. – И еще улыбался, говорил, что хочет помочь! Негодяй!

Арбалетной стрелой я взлетела обратно по ступеням крыльца и замолотила в дверь.

Открыл сам хозяин.

– Мисс Майтлтон? Вы что-то забыли?

– Вы... вы... – гнев душил меня. Даже слова подбирались с трудом. – Это подло, Бакерсон! Помните, что сказал мой отец? Он вас с того света достанет! Вам не будет покоя за то, что предали его доверие!

– Мисс Майтлтон, я не понимаю...

– Вы солгали насчет шкатулки! – наконец выпалила я. – Я все слышала! Вы хотите утаить завещание? А что будет с нами, вас не волнует, да? Как можно быть таким бесчувственным себялюбцем?!

Он помрачнел:

– Похоже, у вас один из этих приступов, мисс Майтлтон. Не стойте на улице, войдите. Позвольте, я кликну извозчика. Он отвезет вас к родным.

– Зачем вы солгали? И зачем велели лгать прислуге?

– Спокойно, спокойно, дорогая мисс Майтлтон. Все хорошо, вы в безопасности, не нервничайте!

Он словно знал, как я гневаюсь, когда со мной начинают разговаривать таким вот успокаивающим, покровительственным тоном. Как с полоумной или маленьким ребенком. Мне в такие минуты просто страшно хочется начать визжать: «Прекратите, я не чокнутая!» Но я сдержалась. Вошла в дом, чтобы и правда не стоять на пороге, как истеричка.

– Послушайте, мистер Бакерсон, я сейчас на улице слышала ваш разговор с прислугой по имени Мэри. Вы велели ей не упоминать о шкатулке, если будут расспросы. И это сразу после того, как вы здесь убеждали меня, что впервые слышите о ней. Объяснитесь, если не хотите, чтобы я обвинила вас в укрывательстве отцовского завещания!

– Я не понимаю, о чем вы говорите, мисс Майтлтон. Никакого разговора не было, как и завещания. Уверен, суд не найдет никаких доказательств. – И проникновенно так, сочувственно: – Мне жаль, что у вас такое сильное расстройство. У меня было дело об оформлении

опекунства над умалишенными, пришлось посетить Батлем. Страшная это вещь – душевный недуг.

Так я ничего от него и не добилась.

## Глава 7. Рэндольф

### *Франческа*

– ...Надеюсь, на основе всего вышеизложенного судья примет единственно верное решение, – последние слова своей речи я адресую хранителю закона. Так же, как и взгляд – прямой, в упор.

Время замирает.

Момент истины.

Он не сможет судить иначе. Я не оставила ему выбора. Вся блистательная башня из несокрушимых доводов, аргументов и прецедентов, которую я возвела, взывает к этому решению!

Марций Севрус должен признать Ламберта таном! Чтобы тот открыл мне, как я могу обрести тень и стать равной своему мужчине.

Чтобы у нас с Элвином было будущее, которое мы сможем построить вместе. Будущее в мире фэйри, будущее в мире вечного настоящего.

Князь Церы улыбается, его третий глаз жмурится, словно в непонятном предвкушении, и у меня невесть отчего начинают дрожать пальцы.

Он не должен быть таким довольным! Здесь и сейчас я вынуждаю его предать гордыню ради истины.

Падают последние капли в клепсидре.

Время вышло.

– Все верно. Человечка, – он умудряется в одном коротком слове передать все свое презрение к людям, – потратила много времени, и потратила его не зря. Я действительно обязан признать Ламберта леан Фианнамайла правителем, если в клане нет иных детей с Предназначением правителя или у тана нет иных наследников.

– Но... – вскакивает Стормур. И тут же падает обратно в кресло, повинувшись гневному и указующему жесту.

– Если нет иных наследников, – с явным удовольствием повторяет Марций Севрус. – Но такой наследник есть. – И, чуть повысив голос, зовет: – Рэндольф!

Дверь отворяется, чтобы впустить незнакомого мне фэйри. Я смотрю, как он медленно идет к столу заседаний – изящный, гибкий, чем-то неуловимо опасный. Длинные светлые волосы убраны в две косы по вискам и стянуты назад. Простой доспех воина, два коротких меча на поясе.

Тщетно я пытаюсь вспомнить, где могла раньше видеть это нечеловечески красивое лицо, резко очерченные губы, высокие скулы и янтарные кошачьи глаза.

На весеннем балу? Или на том приеме в Йоль, где мы чуть не поссорились с Элвином?

Ламберт рядом издает сдавленный звук, спугнув мысль, и та ускользает серебристой рыбкой, теряется в потоке воспоминаний. Повернувшись к подзащитному, я успеваю прочесть изумление и отчаяние на его лице.

Фэйри подходит к креслу Марция Севруса и замирает, словно превращаясь в живую статую.

– Знакомьтесь, – судья бесстрастен, но я чувствую скрытую за его равнодушием торжествующую усмешку. – Рэндольф леан Фианнамайла. Единственный законный сын тана Фианнамайла. Рожденный с Предназначением правителя.

Единый выдох и летящий над столом шепот. После слов князя все внимание направлено на светловолосого. Протестующий возглас замирает у меня на губах. Как бы сильно Марций Севрус ни ненавидел людей, он никогда не пойдет на подлог.

Ламберт по-прежнему бледен, словно увидел живого мертвеца. Поймав мой вопросительный взгляд, полукровка кивает в ответ на невысказанный вопрос и шепчет одними губами: «Это он!»

Все потеряно. Труд многих месяцев, средоточие надежд. Мелькнувшая на горизонте победа оборачивается сокрушительным поражением, а на лицах правителей читаются облегчение и насмешка. Они уже готовы объявить таном этого незнакомца в доспехах воина, не думая, что он чужак для клана, не задаваясь вопросом, где был наследник последние десять лет и куда может исчезнуть снова.

Просто за то, что он – чистокровный фэйри.

– Рэндольфу леан Фианнамейлу сейчас должно быть не больше двадцати. Несовершеннолетний юнец. Ваш протеже, кажется, несколько старше.

Ламберт протестующе сжимает мою руку под столом, но это бесполезно. Пусть он узнал брата, я не сдамся!

Буду драться до последнего.

Глаза Марция Севруса полыхают гневом:

– Ты обвиняешь меня в подлоге, человечка лорда-Стража?

– О, нет! Всего лишь пытаюсь понять, как случилось, что наследник старше, чем должен быть?

– Рэндольф! – в голосе князя слышен приказ, но фэйри только пожимает плечами.

– Так получилось.

– Замечательное объяснение. Спасибо, теперь все понятно, – я чувствую, как мои губы раздвигаются в злой усмешке. В такие минуты я и впрямь ощущаю себя голосом Элвина – говорю с его интонациями и его словами. – А задумывались ли вы, сиятельные князья и достойные таны, каким правителем будет тот, кто сбежал от своего Предназначения еще в детстве?! Кто не знает своего рода? Кого никогда не учили править – вас ведь не учили, не так ли, Рэндольф?

Бесполезно! Сиятельным князьям и танам плевать на заботы клана! Лишь бы не допустить правления полукровки и победы человечки в споре!

– Заткните ее кто-нибудь! – возмущается Стормур.

– Она – Голос Стража, а заткнуть Элвина всегда было сложной задачей, – княгиня Иса развлекается, это видно по ее лицу. Я оправдала ее ожидания, пусть и совсем не так, как собиралась.

Поднимается шум. В голосах я с изумлением ловлю обрывки речей в защиту своего подопечного.

Неужели мне удалось поколебать их неприязнь?! Снова безумным, ясным огнем вспыхивает надежда...

Они сомневаются, значит, не все потеряно.

...и тут же гаснет при взгляде на лицо Марция Севруса. Пока жив Рэндольф, он не допустит признания Ламберта.

Внезапно объявившийся наследник молчит. Его лицо – карнавальная маска Вольто <sup>2</sup>, равнодушная и пустая.

– И вот еще вопрос. Как получилось, что наследник рос так вдалеке от дома и обучался ремеслу воина, а не правителя? Вы ведь воин, Рэндольф, не так ли? Да еще и вассал Марция Севруса, – заключаю я, рассмотрев клеймо князя Церы на доспехе и рукояти меча.

– Клинок, – все так же равнодушно отвечает фэйри.

– Что, простите?

---

<sup>2</sup> Маска Вольто – наиболее нейтральная маска, копирующая форму человеческого лица.

– Я Клинок князя, – он говорит об этом без малейшего стыда, даже с каким-то внутренним достоинством.

По фэйри бежит возмущенный ропот. Превратить равного, будущего правителя в свою вещь, свой клинок... Признание выставляет Марция Севруса с самой неприглядной стороны. Особенно если вспомнить, что никто не знает, что именно случилось с сыном тана Танцующих-с-Ветром десять лет назад.

Мне хочется расцеловать наследника тана Фианнамейла за его признание. Раб не может быть правителем! Я поднимаюсь, чтобы сказать об этом, но негромкий, ровный голос Рэндольфа обрывает мой порыв.

– Сиятельные князья и таны, – стоит ему начать, в зале воцаряется тишина, словно кто-то внезапно опустил завесу молчания. В этой тишине отчетливо слышно каждое слово фэйри, – ваш спор лишен смысла. Я действительно был рожден, чтобы править, но нити судьбы спутались. Мое Предназначение давно не связано с кланом отца, и мне никогда не стать хорошим правителем. Даже если вы объявите меня таном, я откажусь.

Молчание.

Долгое-долгое молчание.

– Это невозможно, – голос князя Дунадда подобен скрипу несмазанной телеги. – Механизм давно утерян, и боги ушли. Никто не в силах больше вмешаться в полотно судьбы.

О чем он?! Какой механизм? При чем тут боги?!

Я ловлю на лице Ламберта тень своего изумления, обвожу взглядом прочих присутствующих. По иным сразу видно: слова князя для них такая же тарабарщина, как и для меня. Но Иса рассматривает Рэндольфа с задумчивым интересом, и Марций Севрус кривится, словно его заставили разжевать лимон. Они точно что-то знают.

– Магия крови и сила Хаоса вплели мою нить в полотно судьбы. Я сам дал на это согласие.

Зал взрывается криками. Сиятельные фэйри гомонят, как рыночные торговцы, перебивают друг друга, требуя разъяснений. Марций Севрус шипит и разве что не плюется, выговаривая что-то своему протеже.

Равнодушный к обвинениям, вопросам и угрозам, Рэндольф похож на одинокую скалу посреди штормового моря.

Пусть хоть кто-то объяснит мне, что здесь происходит! Я дергаю Ламберта за рукав, пытаюсь добиться от него разъяснений и краем глаза замечаю, как Рэндольф наклоняется к князю Церы, чтобы прошептать ему что-то на ухо.

– Я не знаю, – потрясенно бормочет Ламберт. – Никто не видел Рэнди после Роузхиллс... Роузхиллс!

*...Запах дурманных трав, крик «Не трогайте Терри!» и распятое на алтаре тело мальчишки-фэйри...*

Влажная рука на горле, на ошейнике. Запах изъеденного болезнью тела – за прошедшие десять лет Дориан стал еще отвратительнее. И совсем как тогда, десять лет назад, чужая, но знакомая сила проходит сквозь мое тело, обжигая душу.

Оглушая, лишая возможности мыслить и действовать.

Как в тот раз, и все же по-другому. Словно я за прошедшие годы сжилась и свыклась с могуществом, которое разделила с Элвином благодаря ошейнику. Мир вокруг размыт и нечеток, но я все еще здесь. Плохо вижу, но я не ослепла.

Лучше бы ослепла.

Нож взлетает и опускается, рисуя кровавые полосы на теле подростка.

Пронзительный визг «Терри-и-и!» и «Отпустите его! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Я буду хорошей!».



Роузхиллс!

Вот где я видела эти янтарные глаза на тогда еще детском лице. Вот отчего мне кажутся неуловимо знакомыми этот острый подбородок и красиво очерченные губы.

*...Тогда он очень старался не плакать. Только смотрел расширенными, полными безмерного ужаса глазами, как мелькает серебристый кинжал и кровавые пятна ложатся по краям алтаря.*

Он знал, что будет следующим...

Пока я сижу, слишком потрясенная своим открытием, чтобы думать хоть о чем-то, Рэндольф коротко кланяется Марциу Севрусу, грациозным движением танцора отступает в сторону и движется к двери.

Ламберт бросается за фэйри, выкрикивая его имя, а я все так же сижу, не в силах подняться, и смотрю вслед Рэндольфу.

*...Он мертв, он должен был быть мертв! Там не осталось никого живого, я помню, как неведомая сила сминала и корежила человеческие тела, как хлестала кровь, как плавилась земля и сам камень...*

Роузхиллс.

За прошедшие годы я почти убедила себя, что это был всего лишь сон, кошмар, нелогичный и дикий, какими обычно бывают все кошмары.

Перед тем как захлопнуть дверь, невозможное видение из прошлого оборачивается. На краткое мгновение наши взгляды встречаются.

Он кланяется мне – с почтением и благодарностью. И исчезает за резной, окованной медью створкой.

### Элисон

Кольцо лежало там же, где я его оставила. А я до последнего представляла себе всякие ужасы. Что его найдет и заберет себе колдун, например. Не зря же он расспрашивал про Терри. Я тогда специально не стала говорить, что мой друг – призрак. Но Элвин жутко умный, мог и так догадаться.

– Наконец-то. Я думал, ты про меня совсем забыла, Элли. Знаешь, как скучно быть призраком среди развалин? Ну что? Я был прав, все хорошо?

– О, Терри, – я зашмыгала носом. – Все совсем не хорошо. Все очень-очень плохо!

– Что на этот раз случилось, принцесса?

Хорошо, когда есть кому рассказать свои беды, и этот «кто-то» не посмотрит на тебя как на дурочку и не начнет убеждать, что тебе лечиться надо.

За разговором мы медленно шли обратно в город. Конечно, леди не положено ходить пешком, но лошади у меня не было, а нанимать карету не хотелось. Опять сплетни пойдут – зачем бы чокнутой Элисон ездить на развалины?

Я шла и представляла, что впереди вдоль обочины вышагивает кролик в камзоле. Тот самый, который привел меня к башне мага через черный туннель. Почти увидела, как он важно переставляет задние лапы. А в передних держит... что? Часы в форме луковицы, вот что!

– Элисон, что ты делаешь?! – запоздало возмутился Терри. И мир моргнул.

Я стояла на той же улице. Только небо здесь было не белесым, но цвета стали, с аспидно-серыми тучами. Дома кругом чернели пустыми провалами окон – ни людей, ни вещей, ни запахов. И каждый камушек, каждая былинка до того настоящие – реальнее самой реальности.

– Ой, это я сделала?! – даже дыхание перехватило от восторга. Я остановилась и глядела, глядела, никак не могла наглядеться. – Как хорошо! Терри, смотри, как я могу.

– Можешь, можешь, – с досадой проворчал призрак. – А теперь давай обратно. Нечего тебе на Изнанке ошиваться. Еще заметят.

Но я его не слушала. Этот безлюдный, невозможно четкий мир снился мне ночами после возвращения с Эмайн Аблах. Он был как тайна, как вкуснейший пирог, который только показали краешком, а попробовать не дали, не для тебя, дурочка, пекли. И я грустила, что вход так далеко, да и маг будет недоволен, если я мимо его дома бегать туда поважусь.

А вот, оказывается, как я могу! Из любого места!

– Значит, это Изнанкой называется? Да, Терри? А почему ты ничего мне не рассказывал про нее?

– Потому что так и знал: тебя сюда потянет. А тебе рано.

– И что, она везде-везде есть?

– Почти, – он отвечал неохотно. Словно думал, что говорить, а о чем умолчать. – Кроме отдельных мест, где мир и Изнанка едины. Как у того туннеля. Там можно перейти.

– погоди! Я же сейчас не через туннель шла?

Друг не ответил.

– Терри, я в любом месте могу проходить, да? Ну чего ты молчишь, скажи что-нибудь! Я же все равно попробую и узнаю, могу или не могу.

– Да, можешь, ты все можешь! А теперь давай обратно.

– Ну уж нет! – я в ту минуту была так счастлива, что даже позабыла про Бакерсона и все проблемы с завещанием. Стояла и смеялась, ловила ладонями колкие мелкие снежинки. – А почему это называется Изнанкой, Терри? Мне кажется, наш мир – изнанка, а здесь – как раз самое настоящее лицо.

– Элли! – голос Терранса был напряжен. – Слушай меня, уходи! Здесь может быть опасно для тебя.

Словно в подтверждение его слов послышался тихий скулеж. И из ближайшего перекрестка высунулась тощая, оскаленная тень.

– Ой, – я попятилась. – Это кто?

– Гриски, – зло сказал призрак. – Собралась одна дурочка такая поглядеть, что у мира на изнанке. И не в город, а на окраину, где нищие кварталы. Без защитника и сюзерена.

Тварь выбралась из-за угла целиком. Она была отвратительна. Костистая, в парше, с длинными клыками. Мослы распирали шкуру под самыми дикими углами. Словно мастер-недоучка скотил деревянный скелет и натянул на него травленную молью волчью шкуру. Чудовище плыло, покачивалось, переставляло неестественно длинные ноги с выгнутыми внутрь суставами.

За первым монстром вынырнул второй, третий. Они были разные. Похожие на собак, крыс, хищных птиц, даже людей. Но что-то объединяло их, в многообразии не было оригинальности. Менялась форма, суть оставалась той же.

– Так много возле башни Стража? Совсем обнаглели. Зима...

– Мамочки! Терри, что мне делать?

– Молиться.

Твари приближались, угрожающе ворча. Вели носами, принохивались, но нападать не спешили. Что-то их смущало, и я осмелела.

– Эй вы! Убирайтесь отсюда, не то я...

– Элли, заткнись! Не зли их. Может, пронесет.

– Хорошо.

Я стояла в окружении грисков. Руки тряслись, как перед припадком падучей, в животе свинцовым комом морозил страх. А они не спеша ходили кругом, пытались что-то вынюхать.

– Не давай волю страху. Они от него наглеют.

Одна из тварей – огромный мохнатый паук – остановилась напротив. Повела туда-сюда усиками, издала противный стрекот. Я смотрела прямо на нее, а губы шептали: «Уходи! Меня

тут нет! Пожалуйста!» С детства ужас как боюсь пауков. Гадина снова застрекотала, повела толстой, страшной клешней в мою сторону.

И я не выдержала.

С визгом «Помогите!» рванулась вперед, не разбирая дороги. Спину ожгло болью, это придало сил. Запоздалый крик Терри «Дура, стой! Нельзя бежать!» и все вокруг слилось, скомкалось в сплошное мельтешение пятен. Только мерзлая земля под ногами и дикий вой за спиной. Дыхания уже не хватало, воздух вырывался со всхлипами, но остановиться – смерть. Быстрый, быстрее! Беги, Элли, пока можешь!

Булыжник подвернулся, как нарочно. Как будто лежал на дороге и ждал, пока кто пробежит, чтобы сунуться под ноги. Чтобы беглецу потерять равновесие, покачнуться, бестолково взмахивая руками, упасть лицом вперед, ушибить коленку и порвать перчатку.

«Все», – поняла я. – «Теперь – все!» И сжалась. Пусть будет не очень больно.

Но вой за спиной сменился скулежом. Свист стали, короткий взвизг, шипение. Шли секунды, а боли не было. И я рискнула открыть глаза и повернуться.

Юноша танцевал в окружении чудовищ. Два коротких меча, как продолжение рук, мелькали с такой быстротой, что их почти невозможно было увидеть – сверкающий смертоносный веер. Твари ревели, огрызались, атаковали. Казалось, еще секунда, и безумца ждет мучительная гибель, но раз за разом клыки и когти грисков ловили пустоту, а его клинки разили без промаха, отрубая конечности и вспарывая плоть.

Из прорех на телах чудовищ сыпалась мелкая черная пыль.

Еще секунда, и жалкие остатки стаи отступили, разбежались по переулкам, растворились, растаяли в чернильно-черных тенях Изнанки. А мой спаситель встряхнул мечами, сложил в ножны за спиной и повернулся.

– С вами все в порядке? – он наклонился, чтобы протянуть мне руку. И только взглянув в его желтые кошачьи глаза, я поняла, что ошиблась. Низкорослый незнакомец не был мальчишкой. Он даже не был человеком.

– Кажется, да, – от ужаса зуб на зуб не попадал. И очень хотелось плакать, но нельзя. Не время, не место. – Спасибо, вы спасли мне жизнь.

А он застыл, глядя в мое лицо. Будто увидел в нем что-то очень важное. А потом тихо спросил:

– Элисон?

Я тоже замерла. Прямо сидя на земле. Даже про боль в ушибленной коленке забыла, так удивилась.

– Элисон, это ты?

Я моргнула:

– Вы меня знаете?

Я бы поклялась в зале суда на священных символах, что никогда не встречала его раньше. И все же в нем было что-то смутно знакомое. Так, бывает, мучительно пытаешься вспомнить вчерашний стершийся из памяти сон.

– Вряд ли, – насмешливый голос Терри разрушил напряженное молчание, с которым мы глядели друг в друга. Мы оба, не сговариваясь, посмотрели на него:

– Ой. Вы так похожи! Вы родственники, да?

– Да.

– Нет!

Оба ответа прозвучали одновременно.

– Так да или нет? – Сидеть на земле было холодно. Я встала. Хорошо, что уже морозы – платье почти не запахло.

В голове ощущалась какая-то пустота. Я знала, что надо бы удивиться, что незнакомец может видеть Терри и говорить с ним. Но удивляться не получалось. Слишком много всего случилось за короткий срок. И что-то внутри подсказывало: это только начало.

– У тебя кровь, Элли, – сказал Терранс.

– Где?

– Сзади. Позволь, я посмотрю, – незнакомец развернул меня, и только тогда я почувствовала, что левое плечо больно тянет, а по спине стекает что-то липкое.

– Гриск когтем зацепил.

Я безуспешно выворачивала шею, пытаюсь увидеть, что там сзади. Кажется, все было плохо. Платье порвано. И кровь.

– Я пропала! Саймон меня убьет, Терри! Или даже хуже – отправит к маменьке. Он же никогда в грисков не поверит! А если поверит, запрет на всю жизнь, чтобы не выходила...

– Тихо, тихо, принцесса. Не надо столько эмоций. Мы с Рэнди сейчас что-нибудь придумаем. Так ведь, Рэнди?

Мне стало стыдно, что я совершенно забыла о правилах приличия и своем спасителе.

– Простите, я дурно воспитана, но, надеюсь, пережитое потрясение хоть немного оправдывает мои манеры. Искренне и от всей души благодарю вас за спасение жизни. Вы правильно сказали, меня зовут Элисон. Элисон Майтлтон. А это мой друг – Терранс. Он призрак. Ваше лицо кажется смутно знакомым, и вы знаете мое имя. Могли ли мы встречаться раньше?

Незнакомец опять начал разглядывать меня. Так, словно искал что-то. И не находил.

– Пойдемте, леди, – медленно сказал он наконец. – С вашей раной действительно лучше что-то сделать.

– И с платьем, – подсказал Терри. – И антидот неплохо бы.

Мой спаситель кивнул и зашагал вперед, словно не сомневался, что я пойду за ним.

– Извините, – я догнала его и пристроилась рядом. Он так быстро шел, что приходилось почти бежать. – Не могли бы вы представиться?

Он остановился. Резко. На секунду поморщился, словно от боли. Потом взял мою руку и поднес к губам:

– Рэндольф, леди Элисон. Просто Рэндольф.

## Глава 8. Он нам поможет

### Элисон

– Это не лучшее место, – повторил Терранс. Наверное, в пятый раз, не меньше.

– Я знаю, – терпеливо ответил Рэндольф.

– Мне кажется, здесь не так плохо, Терри, – робко попробовала вмешаться я.

Если сказать честно, тут было ужасно. Какой-то склад с кучей пыльных мешков – тесный и пропахший мышами. Неопрятный старик провел нас сюда из своей лавки узким коридором.

Терри прекратил бегать по комнате.

– Мне не нравится. Все эти монгрелы, друидская шушера и ставленники человеческих магов! Готов спорить, твой друг занимается скупкой краденого, Рэнди. Если стража княгини Исы пороется по этим мешкам, у них возникнет много неприятных вопросов. Нечего Элли делать в таком месте!

– Он мне не друг. И у меня нет других должников в Рондомионе.

– Отведи ее к себе домой!

– Не могу.

– Почему?

– Просто не могу.

– Сколько лет прошло для тебя, Рэнди? Не знал, что иные клятвы со временем скисают, как плохое вино.

– Мой князь – гость повелительницы Рондомиона, – ровно сообщил Рэндольф. – Ты хочешь, чтобы я привел Элисон во дворец княгини Исы?

Призрак понурился.

Я растерянно разглядывала этих двоих. Пусть первый – темноволосый, а второй – светлорусый, пусть у Терри глаза зеленые, а у Рэндольфа желтые, пусть один – призрак, а другой из плоти и крови, наконец. Когда они стояли вот так рядом, невозможно было не заметить сходства.

– Все-таки вы родственники, да?

Терри закатил глаза. Рэндольф подошел к ближайшему мешку и попытался отряхнуть его. Пыль поднялась в воздух, я чихнула.

– Садись, Элисон.

– Спасибо. Так вы родственники? Я же не слепая. И не ребенок. Прекратите делать вид, что я ничего не могу понять!

– Ты действительно ничего не можешь понять, – буркнул Терри. – В этом-то и проблема.

– Мы из одного клана. Танцующие-с-Ветром, фэйри Гэльских холмов.

Я открыла рот. Самые настоящие фэйри?!

Ну, то есть я была уже на Яблоневоом острове, видела ши. Но это же совсем другое. То путешествие было как сон. Чего-то, чему совсем нет места в обычной, скучной жизни. А Терри и есть моя обычная жизнь. И он – фэйри. Нисколько не воображаемый, потому что вот рядом Рэндольф, который совсем живой и его можно потрогать. И даже хочется!

В эту минуту мне так захотелось потрогать Рэндольфа, что я даже ущипнула себя, чтобы не поддаться искушению.

– Давай, продолжай молоть языком! Расскажи ей все! Как можно говорить так мало и так не к месту?

– Терри, – жалобно спросила я. – Почему ты хочешь, чтобы я ничего не знала? И почему ты кричишь на Рэндольфа? Он же пытается помочь.

Терранс присел, заглянул в мои глаза. Протянул руку дотронуться до лица, пальцы растаяли, пройдя сквозь плоть. Щеку обдало прохладой. Призрак виновато улыбнулся – мол, не могу, прости.

– Элли, все, что я делаю, – для тебя. – И уже Рэндольфу: – Ты не можешь зашивать ее рану здесь! Среди пыли и мышинного помета.

– Вижу. Ждите, – и вышел.

– Терранс, что происходит?! – набросилась я на друга, лишь за фэйри закрылась дверь. – Кто он, откуда меня знает, и на что вы постоянно намекаете?

– Ты мне доверяешь?

– Вот опять ты вопросом на вопрос. Как будто я у тебя не ответов, а золота прошу.

– Элли, это важно. Ты мне доверяешь?

– Да, – буркнула я.

– Хорошо, тогда слушай. Я надеялся, у нас еще будет несколько лет, но нет. Опасность гораздо серьезнее, чем ты можешь себе представить. Ты должна слушаться меня. Если я что-то говорю – просто делай. Не спорь и не задавай глупых вопросов, как обычно. Договорились?!

– Мне это не нравится. Ты играешь мной, как пешкой.

– Пешка может стать королевой, Элисон. Но для этого ей надо пройти долгий и опасный путь пешкой.

Рэндольф отсутствовал недолго. Вернулся в сопровождении все того же неопрятного старика. В этот раз нас отвели в нормальную жилую комнату, только маленькую и без окон. Судя по тому, что нам пришлось спуститься, находилась она под землей. Здесь были шкаф, кровать и даже кадка с горячей водой. Не хуже, чем в гостинице.

Новое место Терранс одобрил:

– Вот так бы сразу! Элли, снимай платье.

Я минуту помедлила, а потом подумала: почему нет? Терри за мной сто раз подглядывал. Да и после той сцены в башне мага смешно притворяться целомудренной девой.

– Там шнуровка сзади. Не смогу сама.

– Зачем ты носишь такие ужасные платья?!

– Мне положено.

И вовсе оно не ужасное. Довольно миленькое, даже Китти сказала, что мне идет.

Разговор прервал Рэндольф, который просто развернул меня за плечи и начал расшнуровывать лиф. Я так растерялась от спокойной деловитости, с которой он это делал, что не стала протестовать.

У шнуровки на спине большой плюс: если вас ранил в спину гриск, такие платья не надо полностью снимать, чтобы обработать рану.

Потом фэйри долго обмывал губкой мою спину. Порез слегка щипало, но не сильно.

– Больно?

– Нет, – я неженка, будь там что-то серьезное, давно бы уже рыдала.

– Плохо.

Почему плохо, я спросить не успела. Потому что прохладные пальцы пробежались вдоль позвоночника, и это было до того приятно, что я забыла все, о чем думала.

Захотелось, чтобы он сделал так еще раз. Чтобы погладил меня. И не пальцами, а ладонью. Интересно, вот пальцы у него прохладные, а руки тоже?

Поймав себя на этой мысли, я залилась краской. Шлюха, как есть шлюха. Сижу где-то в воровском притоне, если верить Терри. А я верю – Терри меня никогда раньше не обманывал. Мог недоговаривать что-то, но не врал никогда. Так вот: сижу в воровском притоне. Полуобнаженная. Ну, почти полуобнаженная. С голой спиной – это все равно очень неприлично. Да еще и наедине с совершенно незнакомым мужчиной. И думаю только о том, как приятны его прикосновения.

Ладно, ладно, не «наедине» сию. Есть еще Терри. И от этого еще хуже, потому что Терри все видит и понимает...

«Кыш!» – сказала я позорным мыслям, но они не спешили уходить. Напротив. Кожа на спине враз покрылась мурашками. И я ощутила обнаженной шеей еле заметное движение воздуха от дыхания Рэндольфа. Я еще раньше заметила, какие у него сильные руки – руки мечника, пусть сейчас он дотрагивался до меня осторожно и нежно...

– Ну что там? – я сказала это преувеличенно громко, чтобы отвлечься. И заерзала на месте, пытаясь рассмотреть свою спину. Но сколько ни выворачивала шею, ни скашивала глаза, добились только того, что рана опять начала кровоточить.

Рэндольф пресек мои ерзания мягко, но властно удержав за плечи.

– Элисон, пожалуйста, не двигайся, – как по заказу, его пальцы снова погладили кожу. Еле удержалась, чтобы не выгнуться и не начать мурлыкать.

– Хватит ее лапать, Рэнди, – голос Терри был непривычно злым. – Ты принес противоядие и кровохлебку?

– Да, – фэйри протянул мне пузырек из темного стекла. Я покорно забрала его, откупирила. По комнате разлился тяжелый смрадный дух. словно внутри пузырька долго умирала, а потом разлагалась крыса.

– Прости, знаю, это не лучший запах в мире, – дуновение ветерка на плече подсказало, что Терри пытался ободрить меня. – Но надо выпить антидот. Если ты не чувствуешь боли, на когтях был яд.

Кожу сзади неприятно тянуло и пекло. Что-то там Рэндольф делал. Неужели и правда зашивал?

– Может, не надо? – я попробовала обернуться на Терранса, но фэйри решительно и твердо развернул мою голову обратно.

– Не вертись. Это мешает работать.

– Угу.

– Надо, Элли. Давай, будь послушной девочкой. Помнишь, о чем мы договаривались?

Я душераздирающе вздохнула. Хотелось понюхать, но рядом был Рэндольф – такой суровый, немногословный и ужасно дельный. Жаловаться в его присутствии я стеснялась. Тем более что все равно понятно: выпить эту гадость придется.

– погоди, пока не пей. Сейчас закончу.

Не прошло и двух минут, как он действительно закончил. Плечо несильно горело и слегка постреливало болью. Я подумала: будет еще один шрам, как будто мало того, который неизвестно откуда взялся на груди.

Запах от пузырька за это время не улучшился. Напротив, как будто гаже стал. Я поднесла пузырек к губам и чуть не выронила. Живот скрутило в судороге.

– Не могу это пить. Меня стошнит!

– Я помогу, – Рэндольф обнял сзади, вынуждая откинуться. Я на секунду совершенно обмякла в его руках. Лежать полуобнаженной в объятиях мужчины – ужасно волнительно. И приятно, да.

Но осознать эти новые ощущения я не успела. Потому что коварный фэйри одной рукой зажал мне нос, а когда я открыла рот, чтобы вдохнуть, вылил туда содержимое пузырька.

Я закашлялась, но широкая ладонь запечатала рот, не давая выплюнуть противоядие. На вкус оно тоже оказалось отвратительным. Там, где жидкость коснулась языка и нёба, кожа онемела. Я давилась кашлем в объятиях Рэндольфа и уговаривала желудок не возвращать непрошенный подарок.

– Можно было предупредить! – возмутилась я, когда мерзкое зелье оставило попытки выбраться наружу.

– Не дергайся, Элисон. Шов разоидется, – голос фэйри показался непривычно мягким, лишенным обычной бесстрастности. И он не разжал рук.

– Поэтому и надо было предупредить. Я бы не дергалась.

Оказывается, это очень уютно, когда тебя так обнимают сзади.

– Кончайте тискаться, голубки. Рэнди, отпусти ее.

Фэйри вздохнул, помог мне сесть и поправить платье. Я скривилась. Левое плечо наливалось болезненным жаром.

– Больно. Зашнуруй чуть-чуть.

– Не надо. Будет хуже заживать. Оставь так.

Я засмеялась:

– Не могу я с голой спиной по улице идти. Меня сразу в Батлем отправят.

– Переночуешь здесь.

– А как же Саймон? Брат с ума сойдет, если я вот так пропаду без предупреждения.

– Напишешь записку. Я передам. А завтра попробую найти адепта жизни.

Я не знала, что значит «адепт жизни», но поняла, что фэйри хочет сделать для меня что-то хорошее. В глазах защипало. Обо мне, кажется, никогда в жизни никто так не заботился. Чтобы спокойно, без лишних слов, нотаций и суеты взять и решить все проблемы.

– Спасибо. Спасибо за все, Рэндольф. Я твой должник. Надеюсь, когда-нибудь смогу сделать что-то равноценное для тебя.

– Элли, ты дура! – не помню, чтобы Терранс так сердился. – Не разбрасывайся направо и налево такими обещаниями! «Я твой должник» – не просто слова!

– Почему? Или он не спас мою жизнь? Даже два раза – когда отогнал грисков и дал противоядие!

– Терранс прав, это не просто слова. Ты не должна говорить их. Если кто-то помог, значит, у него были свои причины.

– А у меня свои причины быть благодарной этому кому-то.

Рэндольф посуровел. Улыбка ушла, как не бывало, теперь его лицо снова было непроницаемой маской:

– Будь. Но не давай зарока на долг. Ты не в том положении, чтобы дарить обеты.

– Но... – ужасно тяжело спорить сразу с ними двумя.

– Никаких «но», – отрезал призрак. – Лучше расскажи, что у тебя случилось.

– А что у меня случилось, Терри?

– С завещанием. Ты говорила об этом, когда мы встретили грисков.

Я покосилась на Рэндольфа.

– А Рэнди ты не стесняйся. Ему тоже интересно. Он нам поможет. Правда, Рэнди?

\* \* \*

На Изнанке дом стряпчего выглядел старым и неухоженным. Мы поднялись по выщербленным ступенькам. Рэндольф высадил дверь одним ударом ноги. Мне осталось только восхищенно похлопать глазами.

– Хорошо, что обычные воры не знают про Изнанку. Так можно кого угодно обокрасть.

Рэндольф ничего не ответил – он крался впереди, сжимая в каждой руке по мечу. А Терри фыркнул:

– Глубина ваших умозаключений в последние дни просто поражает, принцесса. Вы удивительно поумнели с тех пор, как мы встретили нашего молчаливого друга.

Он на меня непонятно почему злился уже второй день и от злости язвил почти непрерывно. Я очень старалась не обижаться, но чувствовала – еще немного, и поссоримся. Первый раз в жизни.



Мы прошли через холл. Ночь на Изнанке не как у нас – непроглядная. Она неоднородна: живая объемная тьма слеплена из оттенков синего, серого и черного. В ней различимы силуэты и абрисы, четкие, как подсвеченные невидимой лампой.

Комнаты были пусты. На Изнанке меньше вещей, чем в моем мире. Здания почти всегда имеют двойника по ту сторону реальности. Еще деревья. А рукотворные вещи – редко. Люди и животные – никогда. Я пока не поняла, отчего так. Спрашивала у спутников, но фэйри только плечами пожали. Им это не важно.

Рэндольф поднялся по лестнице. Тихо бросил сверху «Чисто», и я поднялась следом.

– Какая комната, Элли?

– Я не знаю.

В этот раз Терри фыркал совершенно напрасно. Бакерсон не приглашал меня в свои покои. Да я бы и не пошла, если б пригласил.

– Ну что, перебудим весь дом? Давай, Элли. Переноси нас.

– погоди, – Рэндольф втянул воздух. Прислушался. Заглянул по очереди в каждую из дверей.

– Что ты хочешь найти, умник-молчун?

Вместо ответа на подколку воин нырнул в одно из помещений. Вернулся и кивнул:

– Здесь.

– Ты уверен, что... – начал Терри, но мне надоело, что они все время спорят. Мой кролик в камзоле завел свои часы и в два прыжка пересек порог комнаты, открывая путь к привычной реальности.

Здесь было темно. Умница-Терри не зря настоял, чтобы я захватила лампу. В ее свете стало ясно: фэйри не ошибся, мы действительно попали в комнату Бакерсона. Сам хозяин сейчас спал. Его круглое лицо в окружении перин и одеял было безмятежным и счастливым. Так спит человек с абсолютно чистой совестью. Наверное, ему снился хороший сон.

Мне не было стыдно его будить.

– Вставайте, Бакерсон. Время отвечать за свои преступления, – надеялась, это прозвучит внушительно, но, судя по сдавленным смешкам Терри, получилось глупо.

Стряпчий разлепил мутные спросонья глаза. Посмотрел на меня. Потом на Рэндольфа. Перевел взгляд на лезвие меча, у своего горла. Глаза его расширились, мужчина открыл рот...

– Не надо, – негромко, но очень убедительно сказал фэйри. Клинок теснее прижался к коже.

Стряпчий не крикнул. Только всхлипнул и обмяк.

– Я вижу, вы не ожидали, что у безумной Элисон Майтлтон найдется что-то посерьезнее слов. И все же я здесь, чтобы снова говорить с вами про завещание отца.

– Элли, хватит пафоса. Просто спроси, где шкатулка.

– Ва-а-а! – Бакерсон перевел взгляд на Терри и стал совсем белым, в цвет своего ночного колпака.

– Вы солгали насчет завещания, не так ли? Вы были тайным душеприказчиком отца.

– Я не... – он покосился на меч, сглотнул, – не сказал всей правды.

– Вы солгали!

– Да, я солгал, – голос скакнул вверх, и в нем прорезались плаксивые интонации.

– Что же, у вас есть шанс исправить это злодеяние. Отдайте мне завещание и засвидетельствуйте в суде волю отца. Видят боги, я не прошу от вас многого. Просто сделайте свою работу.

У него затряслись губы:

– Я не могу. – Он хотел рассыпаться в каких-то невнятных оправданиях, но Рэндольф не дал ему продолжить. Он умело извлек стряпчего из постели. Даже не сказал ни единого

слова, просто взял за шкурку и направил мечом, куда надо было. Я любовалась этой сценой с мстительной радостью, которую отнюдь не подобает испытывать леди из хорошей семьи.

Когда они стояли рядом, фэйри Бакерсону едва до плеча доставал, но если бы меня спросили, кто из этих двоих – настоящий мужчина, я и секунды не сомневалась бы в ответе. И дело не только в пузике, угадывавшемся под ночной рубашкой стряпчего.

– Вы уверены в своем ответе?

Фэйри убрал лезвие клинка от горла и подтолкнул пленника: говори, мол. И тот торопливо забормотал, захлебываясь в словах:

– Я не могу! Погодите! Пожалуйста, выслушайте! Видят боги, я не могу не оттого, что не хочу, мисс Майтлтон! Я действительно всей душой сочувствую вашей семье и как никто другой желал бы выполнить свой долг, – он выплевывал фразы, а сам поминутно оглядывался назад, на Рэндольфа, застывшего бесстрастной статуей.

Я устала от словоблудия и тоже отвлеклась на Рэндольфа. Он был такой... такой... Хоть картину пиши. Один меч в руке, второй за спиной, в ножнах. Простой кожаный доспех, две косы спускаются по вискам. Обманчиво спокойный, даже расслабленный, только удивительные янтарные глаза неотрывно следят за пленником.

– ...И поскольку шкатулки у меня нет, нет и завещания. И я не могу этого сделать. Даже если я выступлю в суде, адвокаты вашего дяди порвут меня, как волки косую. Войдите в мое положение, мисс Майтлтон! Погубив меня, вы не спасете собственную семью. Да, признаю, я поступил некрасиво, солгав вам. Но у меня не было выбора. Пожалуйста, прикажите вашему ужасному слуге отпустить меня.

– Рэндольф не слуга, – возмутилась я. Снова посмотрела на него – вдруг обиделся на такое неуважение.

Ничего подобного. Фэйри стоял, как будто мы не про него говорили, а погоду обсуждали. И я с досадой поняла, что прослушала самое важное.

– А где шкатулка?

– Элли, ты что, спишь? Человек же ясно сказал: ее украли.

– Мне нужны подробности.

Бакерсон мало что знал. За неделю до смерти моего отца в кабинет стряпчего наведлся взломщик. Утащил все мало-мальски ценное, включая лежавшие в тайнике деньги и драгоценности, а также злополучную шкатулку. Нет, Бакерсон не думает, что взломщик специально охотился за завещанием. Скорее, внимание привлекла сама шкатулка: она выглядела дорого, и вор мог обмануться насчет содержимого. Да, там были только бумаги. Самые важные, которые Бакерсон не рисковал хранить просто так. Да, он велел позвать городскую охранную службу, но от этих бездельников не было прока. Если дело не раскрыли по свежим следам, то сейчас, спустя время, шансы и вовсе ничтожны. Нет, он не думает, что вор мог открыть шкатулку. Это была уникальная, древняя вещь с хитрым запором-головоломкой, открыть который, не зная ключа, почти невозможно. И распилить ее нельзя. Почему? Потому что это шкатулка работы Серджио да Ароцци. Да, да, одна из тех самых. Она попала к Бакерсону совершенно случайно. Огромная потеря, шкатулка стоила больше, чем все украденные вором деньги и драгоценности...

– Что, простите?

– Я хочу, чтобы вы записали для меня ключ к головоломке.

– Послушайте, мисс Майтлтон...

– Никаких отговорок. Ты слышал, что сказала мисс Майтлтон? – Терри одобрительно подмигнул мне. Призрак был доволен тем, как я задавала вопросы. – Выполняй.

А Рэндольф ненавязчиво коснулся кончиком меча его шеи.

## Глава 9. Люди, фэйри и прочие твари

### *Франческа*

- Может, вот эту шляпку?
- Ага. Безусловно. Шляпка – то, что надо. Именно! – говорит он, не отрывая взгляда от парящего в воздухе светящегося шара, заполненного жидким зеленым огнем. Повинуясь движениям его пальцев, шарик медленно съеживается в ослепительную светящуюся точку.
- Ты не смотришь!
- Я и так знаю, что у сеньориты безупречный вкус.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.